

Нахалята и Кристаллы кошмаров

Гарун Аминов

Гарун Аминов

Нахалята и Кристаллы кошмаров

«Автор»

2026

Аминов Г.

Нахалята и Кристаллы кошмаров / Г. Аминов — «Автор», 2026

Командир Гром, аналитик Шепот, разведчик Шарх и силач Борен сталкеры из Нахалят получают самый сложный контракт: проникнуть в забытую гидроэлектростанцию Титанов и добыть сведения из квантового компьютера. Внутри их ждёт не просто рухлядь, а ожившая система пси-защиты. Древние кристаллы обрушивают на отряд чистый кошмар: всепоглощающий страх, ярость и эйфорию, что едва не уничтожает их изнутри. В сердце лаборатории Онейрос герои находят полный архив знаний Титанов, координаты экспериментов по бессмертию и арсенал психотропного оружия. Но радость открытия омрачена: за той же целью по следам Нахалят идёт таинственный Хозяин Снов. Чтобы выжить, команде придётся перехитрить того, кто управляет чужими снами. Третья книга серии Нахалята.

© Аминов Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Мир, что замер	5
Домашний приём	8
И опять в путь	15
Дорога налево	22
Брошенные иглы	28
Вдоль реки	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Нахалята и Кристаллы кошмаров

Мир, что замер

Полторы тысячи лет назад случился катаклизм всепланетного масштаба. Он не был простым ударом или взрывом. Это был разрыв самой плоти мира, фундаментальный сбой в работе механизма, имя которому — Земля. И механизм этот остановился навсегда.

Теперь планета замерла. Она больше не вращается. Одна её сторона, выпученная чудовищным ударом и вечно обращённая к Солнцу, раскалена до немыслимых температур. Это — Денница, царство вечного дня, где плавятся камни, а воздух дрожит от зноя. Там, среди металлических дюн и зеркальных пустынь, выживают лишь те, кто обрёл броню из зеркальной керамики и научился направлять убийственный жар как оружие и инструмент.

Противоположная сторона, укутанная вечным мраком космоса, — это Ночница. Царство льда, безмолвия и холода, достигающего ста градусов ниже нуля. Под километровой толщей вечного ледника плещется тёмный океан, а жизнь теплится лишь в призрачном свете биолюминесцентных грибов да у багровых жерл одиноких вулканов, выстроившихся в гигантское Кольцо Огня. Здесь выживают те, кто оброс теплым мехом и научился разговаривать узорами света на собственной коже.

Между этими двумя крайностями, словно по лезвию бритвы, существует узкая полоса жизни — Терминатор. Вечные сумерки. Ни дня, ни ночи, только бесконечный, затянутый пеленой тумана и пепла, багряный или свинцово-серый горизонт. Ширина этой полосы — от полутора до двух тысяч километров. Это всё, что осталось от привычного мира. Это Арена.

Здесь, в Терминаторе, кипит то, что люди когда-то называли бы жизнью. Но жизнь эта изменилась до неузнаваемости. Катаклизм принёс с собой не только огонь и лёд, но и странную силу — Омега-мутации. Оно стало горнилом эволюции, ускорив приспособляемость в миллионы раз. И не просто ускорив, а направив ее. Биосфера не просто менялась — она ломалась и собиралась заново под диктовку нового, жёсткого мира.

На смену человечеству пришли Пять Рас. Они — не инопланетяне и не демоны. Они — наследники, мутировавшие потомки тех, кто выжил. Но различие между ними стало столь глубоким, что теперь это разные биологические виды, испытывающие друг к другу не ненависть — физиологическое отвращение.

На всем протяжении Терминатора, от границы с Денницей, в буйных, душных джунглях из деревьев-небоскрёбов и лиан толщиной в башню, до ледяного Барьера, что поднял свои сверкающие пики на высоту до 15 километров, живут Огры. Гиганты, покрытые бронёй из природного кератина как латы средневековых рыцарей, сильные, как стихия, и прямые, как удар дубины. Их общество — это культ силы, кланы воинов-патриархов. Они — плоть и мускулы Терминатора, его неукротимая, грубая мощь.

Выше них, в разреженном воздухе горных замков и на парящих в вечных ветрах летающих баржах, обитают Текины. Хрупкие, с прозрачной кожей, сквозь которую видна голубая сеть сосудов. Их сила — не в мускулах, а в мысли. Они — повелители телекинеза, архитекторы движения, инженеры выживания. Их возвышенные города-крепости и сложные механизмы — самые сложные технологии в этом одичавшем мире. Они — разум и изящество, парящие над хаосом.

Под землёй, в бесконечном лабиринте туннелей, проложенных гигантскими огненными червями, процветают Гребны. Слепые оракулы с чувствительными гребнями вместо глаз. Они видят мир через эхолокацию и телепатию, чувствуют вибрации планеты. Их царство — тишина, камень и поток информации. Они — тайная нервная система мира, знающие больше, чем показывают.

На Деннице, в аду вечного дня, выковали себя Огны. Некогда бывшие Ограми, они ушли в пустыню за ресурсами и стали другими. Их тела защищены зеркальной керамикой, а вдоль позвоночника тянется термооптический гребень — оружие и инструмент, способный фокусировать солнечный свет в режущий луч или отводить избыточное тепло. Они — искусные мастера-ремесленники, кузнецы и стеклодувы адского зноя, единственные, кто добывает драгоценные металлы и осьмий из недр раскалённого мира.

В ледяной пустоши Ночницы, у тёплых подножий вулканов или в пещерах внутри самого гигантского Ледяного Барьера, живут Хлады. Массивные, покрытые густым мехом, с кожей, светящейся причудливыми узорами. Они — дети холода и тишины, хранители льда, который является источником всей пресной воды. Их стада мохнатых тюленей, заново отрастивших свои ноги, пасутся на лишайниковых полях, а шаманы читают будущее в циклах далёкой, медленно плывущей по годичной орбите Луны.

А между ними, в трещинах и подвалах этого мира, скитаются Гибриды — «Слякоть». Несчастные потомки смешанных союзов, отвергнутые всеми расами. Их биология нестабильна, способности непредсказуемы, а существование — постоянная охота. В них боятся и ненавидят то, что может стать либо ключом к спасению, либо окончательным падением.

Этот мир живёт на грани. Его экология — хрупкий замкнутый цикл. Воды рек, стекающие с Ледяного Барьера, уносят влагу в Денницу, где она испаряется. Верхние ветра вечным потоком несут тучи к Барьеру, где они избавляются от своей ноши, наращивая лёд. И нижние ветра, которые постоянно дуют от Барьера в пустыню, неся туда прохладу и расширяя зону возможной жизни. Всё взаимосвязано. Нарушь одно — рухнет всё.

Главная валюта здесь — не золото, а «Искры», вечные микро-реакторы погибшей цивилизации Титанов, и осьмий — загадочный металл, катализатор всех мутаций. Расы не объединены. Они сосуществуют в состоянии хрупкого, подозрительного нейтралитета, пронизанного торговлей, шпионажем и мелкими стычками. Их разделяет не только культура, но и самая биология. Условия, пригодные для жизни одного, несут смерть другому. Их обычаи, цели — различны. Но объединяет их общий язык, общие гены и то, что в одиночку ни одна раса не выживет в этом жестоком мире.

Это мир «Пяти Клинков». Мир, который не прощает слабости. Мир, где выживание — не право, а ежедневная победа. Мир, застывший между днём и ночью, между жаром и холодом, между прошлым, которое уничтожено, и будущим, которое может не наступить. Здесь каждый клинок — будь то стальное оружие Огра, сфокусированный луч Огня, телекинетический импульс Текина, телепатическое внушение Гребна или световой сигнал Хлада — отточен для одной цели: проложить путь ещё на двадцать четыре часа. А история этого мира только начинается. Вернее, она начинается снова. Прямо сейчас.

Именно в этой хрупкой, жестокой и прекрасной реальности, на лезвии бритвы между выживанием и гибелью, уже третий раз свою историю пишут те, кого судьба, казалось бы, должна была сломать ещё в первом контракте — Гром, Шарх, Шепот и Борен, «Нахалята», чьи имена из насмешки превратились в бренд, за которым уже охотятся. После первого контракта, сделавшего их командой, и второго, где они вместо тихого убежища нашли союзников среди хладов и снова вляпались в историю, Кадмон отчаянно пытался спрятать своих непоседливых сталкеров от внимания Хозяина Снов, но тишина длилась недолго: теперь, когда гребны — безмолвные оракулы недр — предлагают задание, от которого отказались бы лучшие, «Нахалята» даже не думают отказываться, ведь слишком многие уже ищут с ними встречи, слишком много тайн хранит старая титановская плотина посреди раскалённой Денницы, и слишком опасна древняя система пси-защиты, превращающая страхи, ярость и вожделение в оружие, способное сломать даже самую сплочённую семью. Говорят, внутри хранятся кристаллы памяти — ключ к технологиям исчезнувших Титанов и, возможно, к бессмертию, но за этим же ключом уже идёт по следу Хозяин Снов, и на этот раз его агенты знают, кого искать. Это история о том,

как не получилось отсидеться в глуши, о том, что, когда за тобой приходит прошлое, прятаться поздно — остаётся только идти в самое пекло, и о том, что семья — это не только опора, но и самая уязвимая мишень для тех, кто умеет бить по самому больному; их новый путь лежит сквозь пустыню, подземелья и собственные кошмары — туда, где на вечно замершей, но всё ещё живой земле решается, кто станет пешкой, а кто — той самой новой силой, которую уже не спрятать.

Домашний приём

Возвращаться в Скорлупу после ледяного ада – всё равно что сунуть голову в печь после морозной купели. Только печь эта была знакомая, родная и почему-то очень недовольная.

Кадмон встретил нас не на пороге, не в главном зале, а в своей пещере-кабинете, куда нас привели двое хмурых старших сталкеров. Стол перед ним был не просто завален – он был засыпан свитками, обрывками карт и испещрёнными записями листами. Он что-то яростно чертил на большом листе, когда мы вошли, и даже не поднял головы. Воздух в пещере был густым от напряжения и старой пыли.

– На два месяца раньше, – произнёс он ровным, сжатым голосом. – Сами вернулись. Не дождались приказа. Не прислали гонца. Так?

– Задание выполнили, – поспешил доложить я, чувствуя, как наша победная аура начинает стремительно сдуваться под гнётом этой тишины. – Нору обустроили, инвентаризацию...

– Молчать.

Он наконец оторвал взгляд от бумаг. Его глаза – один с едва заметной светящейся сеткой, другой – обычный, вымороженный – были красными от усталости, но в них горел холодный, неумолимый огонь. Он откинулся на спинку стула, и костяшки его пальцев побелели от того, как крепко он сжимал ручку.

– Пока вы там отдыхали, я тут пытался разобраться, какого дьявола вы, выполняя один контракт, умудрились напороться на другого. На этого невидимку, кто подставил вас с «Целителем». На Хозяина Снов.

От его голоса по коже побежали мурашки.

– Знаете, что я выяснил? – продолжал Кадмон, не ожидая ответа. – Ничего. Ровным счётом ничего внятного. Призрак. Тень. Сила, которая всегда работает чужими руками. Через гребнов, через огров, через кого угодно. Её нельзя найти, нельзя потрогать, нельзя договориться. Её можно только ощутить – по последствиям. По украденным артефактам. По сломанным судьбам. – Он ткнул пальцем в грудку бумаг. – И пока вы пропадали, я искал хоть какую-то зацепку. И не нашёл. Только слухи, что он снова активен. И теперь вы возвращаетесь, когда вздумается, не отчитавшись. Как я могу знать, что ваша «ледяная эпопея» – не часть его нового плана? Что вас там не использовали, как пешек, снова?

В его голосе впервые прорвалось нечто, похожее не на гнев, а на тяжёлую, бессильную ярость. Ярость человека, который бьётся с туманом.

– Мы ничего о нём не слышали там, – начал было я, но Кадмон резко поднял руку.

– Ваши объяснения и сказки мне сейчас не нужны. – Он выдохнул, и внезапно вся энергия, казалось, покинула его. Он просто выглядел смертельно усталым стариком. – Бросили пост без моего приказа. Вернулись, когда вздумалось. Это – факт. Всё остальное вы будете рассказывать завтра через час после Врат Яви. На совете сталкеров. Перед всеми. И если в вашей истории будет хоть одно несовпадение, хоть одна деталь, которая пахнет его почерком... – Он не договорил, но смысл повис в воздухе тяжёлой угрозой. – А сейчас идите. В баню. Отмойтесь. И будьте готовы. Идите.

Мы переглянулись. Спорить и что-то доказывать в такой момент было равносильно самоубийству. Развернулись и вышли под ледяные взгляды старших, чувствуя, что наш «подвиг» в Ледяной Норе внезапно обрела новый, тревожный и очень неприятный оттенок.

Баня, конечно, была райской. Горячий пар, веники, которыми нас отдубасил старый банщик, дед Перто (со словами: «Чтоб неповадно было с задания сбегать!»), а потом – настоящая еда. Не вяленая оленина и лепёшки, а густой мясной борщ, свежий хлеб и даже мёд. Мы упиывали за обе щеки, а вокруг уже ползли слухи. «Нахалята вернулись раньше срока, Кадмон

злой», «Говорят, они там с хладами контракт заключили», «Да брось, они просто профукали всё и смылись».

Ко времени нашего отчета слухи превратились в уверенность: мы – неудачники и дезертиры. Это чувствовалось в каждом взгляде, когда мы шли в главный зал на совет.

Совет сталкеров – это вам не посиделки у костра. Это полумрак, десяток суровых рож, каждый из которых прошёл через ад и обратно, и тишина, которую режет только голос Кадмона. Мы стояли в центре, как провинившиеся школяры.

Кадмон обвёл взглядом зал, давая всем успокоиться.

– Ну что ж, – начал он без предисловий. – Собрались, чтобы послушать. Послушать этих четверых. – Он кивком указал на нас. – Которые должны были шесть месяцев торчать в Ледяной Норе, но вернулись через четыре. Утверждают, что задание выполнили и даже больше. Сейчас они нам всё расскажут. А мы решим, заслуженный ли у них отпуск получился... или пора вкатывать новую порцию дисциплины. Давай, Гром. Просвети нас. Что вы там такого геройского совершили, что даже с поста сняться пришлось?

В зале кто-то сдержанно хмыкнул. Взгляды, устремлённые на нас, были тяжёлыми, скептическими, выжидающими. Нам дали слово. Но верил ли нам хоть кто-нибудь – большой вопрос.

Мы переглянулись. Ладно, раз спрашивают – надо отчитываться.

Я выступил вперёд, откашлялся.

– Дело было так. В Норе оказалась не просто тишина. Она лезла в голову. Шепот называет это пси-полем низкой частоты. Оррик сбежал не от скуки – он сбежал от этого давления. Мы нашли источник. В пещерах под Норой.

Шарх не выдержал, перебил, размахивая руками:

– Там огромный бетонный куб! Титаны его построили! А внутри – древний ледяной дух, инопланетянин, который всю Австралию заморозил! И реактор у него барахлил, вот он и ныл у всех в башке!

В зале послышались сдержанные хмыки, кто-то покачал головой. Шепот, поморщившись, добавил сухо:

– Если упростить эмоциональные метафоры Шарха, то мы обнаружили темпоральную карантинную камеру уровня «Омега» с инопланетной формой жизни, известной как «Криомант». Её хроно-стазис нарушился, что создавало паразитное пси-излучение, резонирующее со льдом Стены. Мы стабилизировали систему, предотвратив термоядерный взрыв, который уничтожил бы значительную часть региона.

Я кивнул:

– В общем, починили. Хлады, их шаманы, это почувствовали. За помощь подарили подарки и покатали по Ночнице до вулкана и обратно.

И тут из тени, с краю зала, раздался хриплый, как скрип ржавой двери, голос. Это был Грохот. Он медленно поднялся, и его фигура, широкая и корявая, как старый дуб, казалось, поглотила скудный свет.

– Красиво, – проскрипел он. – Очень красиво. Инопланетяне, камеры, взрывы... Слушай, Гром, ты всегда хорошо дрался, а вот врать – не твоё. Видно, что и врешь-то сдуру. В Ледяной Норе? Да там только ветер да тоска. Хлады? Они и с родными-то не особо говорят. Подарки? – Он презрительно фыркнул. – Нашёл в каком-нибудь титановском сундуке старый хлам, теперь легенды плодишь. Болтуны вы. И позор вам – настоящие сталкеры чужими заслугами не прикрываются.

По залу пробежал одобрительный ропот. Многие думали так же, просто не решались сказать.

Кровь ударила мне в виски. Я сделал два шага и встал вплотную к Грохоту.

– Называешь меня вруном в лицо, дядька?

– А как ещё назвать того, кто несёт такую дичь? – Грохот не отступил, его рука лежала на рукояти здорового ножа за поясом. – Врун. И ты и твоя банда сказочников. Хватит тут в уши нам заливать.

Шарх зашипел, его узоры вспыхнули ярким мерцанием. Я почувствовал, как пальцы сами сжимаются в кулак. Ещё мгновение – и пошла бы драка. Грохот видел это, его взгляд стал острым, готовым.

И тут между нами бесшумно встал Шепот. Он не был большим, но его внезапное, точное движение заставило всех замереть.

– Доказательства, – сказал он, и его голос, тихий и ровный, прорезал напряжённую тишину. – Прежде чем ломать кости, взгляните на то, что нельзя выдумать.

Он снял с плеча свой ранец, достал планшет. Но не старый, потрёпанный. А в новой, невероятной обложке – из полированной кости, испещрённой тончайшей резьбой в виде звёздных карт и фаз луны. В тусклом свете зала она отливала мягким перламутром.

– Обложка работы мастеров-косторезов клана Лунных Шаманов, – отчеканил Шепот. – Материал – кость исполинского моржа Ночницы, обработка – когтями и кислотой. Такого не делает никто в Терминаторе. Эту вещь не найти. Её можно только получить в дар.

Потом вперёд шагнул Борен. Молча. Он поднял руки, и все увидели массивные наручи – не грубые огрские, а те самые, резные, с бегущими оленями. Он стукнул ими друг о друга. Звук был глухой, мощный, совсем не металлический.

Шарх, не дожидаясь очереди, с ликованием выхватил свой белоснежный кинжал, и лезвие, инкрустированное чёрным обсидианом, сверкнуло холодным блеском.

В зале повисло ошеломлённое молчание. Эти вещи дышали другим миром. Их нельзя было отрицать.

Но Грохот не сдавался. Он был стар, упрям и слишком горд, чтобы отступить сразу.

– Нашли где-то... – пробурчал он, но уже без прежней уверенности. – Мало ли древностей валяется...

– А это? – внезапно сказал я.

Спокойно, почти небрежно, я снял со спины свой новый костяной лом. Не глядя на Грохота, я развернулся и со всей силы, коротким ударом с плеча, вонзил его острый конец в массивный каменный блок, который всегда лежал у ног Грохота и служил ему подставкой для ног.

Раздался не звон, а глухой, влажный хруст, будто лопнула кость великана. Камень – твердый, порфиновый булыжник, в котором я прежде лишь бы оставил вмятину своим старым железным ломом, – раскололся пополам. Две половинки с тяжёлым стуком разъехались в стороны.

Я выдернул лом. На его конце не было ни скола, ни царапины. Только мелкая каменная пыль.

Я поднял взгляд на Грохота.

– Хлады делают крепкие игрушки, – сказал я просто. – И дарят их только друзьям. Ещё вопросы?

Грохот смотрел то на расколотый камень, то на мой лом. Его челюсть работала. Страх в его глазах не было – был холодный, расчётливый пересмотр реальности. Он видел вещи, которые отрицать было глупо. И видел удар, который расколол камень, как сырую глину.

– И это еще не все — я достал из поясной сумки браслет на кожаном ремешке, который подарил нам шаман Кхар, и поднял его повыше на обозрение. – Этот знак нам дали шаманы Ночницы. Любой хлад, который его увидит, обязан предоставить кров, еду и помощь.

Из толпы вышел Мастер Гном. Молча подошел ко мне и протянул руку. Я отдал ему браслет. Он долго вглядывался в знаки, потом погладил кость, почти понюхал. Так же внимательно осмотрел подарки. Вернул нам, посмотрел на Кадмона и сказал – Ребята не врут. Работа хладов. Сделано недавно.

И тут из толпы сталкеров вышел ещё один человек. Сухой, костлявый, с бегающими глазами. Оррик. Прежний счетовод, который сбежал из Ледяной Норы.

Он посмотрел на нас, потом на старших, и его голос, обычно сиплый, прозвучал громко и чётко:

– Я вам говорил... Говорил, что там тишина не простая. Что она живая. Вы не верили, думали – старик крышей поехал. А они... – он ткнул пальцем в нашу сторону, – они вошли туда, откуда я сбежал. Они посмотрели в лицо тому, что сводило меня с ума. И они... утихомирили его. Так что не болтуны они. Они... правду говорят.

Тишина после его слов была ещё громче. Грохот смотрел то на нас, то на подарки, и его каменное лицо медленно менялось. Наконец он шумно выдохнул.

– Ладно... – выдохнул он наконец, сдаваясь не из страха, а под тяжестью фактов. – Похоже, ты не врешь, пацан. Камень-то не соврёт. Извиняюсь.

Я кивнул, отпуская напряжение в плечах.

– Принято. Но, дядька Грохот, – я позволил себе лёгкую ухмылку, – счёт не закрыт. Когда-нибудь ещё потягаемся. Без злобы. Для души.

Он хмыкнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

Спор был исчерпан, но совет на этом не закончился. Кадмон поднял руку, восстанавливая порядок.

– Хорошо. С отчетом разобрались. Позже вы с Шепотом подробно все изложите на бумаге. Теперь к делу. Пока вы там ледяных духов ублажали, к нам пришёл запрос. От гребнов. Опять.

В зале заворчали. Запросы от гребнов всегда пахли проблемами.

– Они настаивают, чтобы задание выполняли именно «Нахалята». Лично. Без вариантов.

– С чего это? – возмутился кто-то сбоку. – Они нам теперь указывать будут?

– Видимо, наслышались о наших подвигах, – важно заявил Шарх, пряча кинжал.

– Наслышались или нет, но их посланник был категоричен, – продолжил Кадмон, не обращая внимания на Шарха. – И контракт щедрый. Очень. За отказ – крупные неприятности. За выполнение – сто пятьдесят «Искр», помощь в снаряжении группы и доступ на три месяца к их архивам по технологии Титанов.

Это заявление заставило всех притихнуть. Сто пятьдесят «Искр» – это в три раза больше цены за задание повышенной сложности.

– Так в чём же задача, что они так раскошелились? – спросил я, уже чувствуя подвох.

Кадмон развернул перед собой потрёпанную карту.

– В трёх переходах от границы Терминатора, вглубь пустыни. Старая гидроэлектростанция Титанов. Огромный массив из бетона и арматуры. Место... нехорошее.

– Опять «нехорошее»? – вздохнул Шарх. – У нас, что, на лбу написано «специалисты по нехорошим местам»?

– Там, – Кадмон проигнорировал его, – по словам гребнов, стоит тишина похуже вашей ледяной. Давит на мысли. Вызывает животный страх. Никто долго не задерживается. Ни огры, ни огны, ни текины, даже звери обходят стороной. А под плотиной, в герметичном бункере, должен оставаться квантовый компьютер Титанов. Нужно пробраться в самое сердце, найти его и извлечь все банки памяти – кристаллы с данными. Принести их гребнам.

– И всё? – недоверчиво спросил я. – Просто зайти и взять? Почему они сами не лезут? У них же с мыслевидением проблем быть не должно.

– Они пытались, – покачал головой Кадмон. – Их разведчики возвращались... не в себе. Один вообще забыл, кто он. Другой твердил про «глаза в стенах». Гребны считают, что там работает какая-то пси-защита, оставленная Титанами. Защита, которая бьёт именно по телепатии. А вы... – он посмотрел на нас, – вы, судя по всему, имеете опыт взаимодействия с подобной дрянью. Значит, шансы у вас есть.

– Опять мы, – пробормотал Шепот, но в его глазах уже загорелся привычный огонёк исследователя. – Квантовый компьютер... Если он сохранил работоспособность, это величайшая находка...

– А если нет, то мы просто поковыряемся в ржавом хламе и заработаем кучу «Искр», – закончил за него Шарх, потирая лапы. – Я уже люблю это задание!

Я посмотрел на свою команду. На Шарха, который уже мнил себя покорителем древних ужасов. На Шепота, мысленно разбирающего компьютер на винтики. На молчаливого Борена, который, наверное, уже прислушивался к эху будущих пустот.

«С глаз долой» – сказали нам четыре месяца назад. И вот мы снова здесь, и нам снова суют под нос самое странное, опасное и безумное дело.

– Ну что, – я вздохнул, глядя на Кадмона. – Принимаем. Видимо, это наша карма – лезть туда, где другим страшно.

Кадмон кивнул, и в уголке его глаза дрогнула едва заметная морщинка – самое близкое к улыбке, на что он был способен в такие моменты.

– Собирайтесь. Быстро. Послезавтра, как проснетесь— выдвигаетесь. И на этот раз... постарайтесь не найти там ещё одного вечно одинокого призрака. А то континентов на всех не хватит.

Мы вышли из зала под тяжёлыми взглядами сталкеров. Теперь в этих взглядах было меньше насмешки, но больше... опаски? Зависти? Непонятно.

– Ну что, команда, – сказал Шарх, сверкая новым кинжалом. – Погнали щупать страхи гребнов! Надеюсь, там их глаза в стенах будут поинтереснее ледяных призраков. А то скучно будет.

Я только поправил на плече свой новый, лёгкий костяной лом. «Не скучно, – подумал я. – Со скукой мы, кажется, надолго разминулись».

Подготовка к походу на плотину была особая. Раз контракт включал снаряжение – грешно было не спуститься к самим заказчикам и не выбить всё самое лучшее. А значит, дорога лежала вниз.

Проводил нас знакомый Проводник – сухопарый, молчаливый сталкер по кличке Щель. Он знал потайные входы в подземную сеть гребнов, один из которых зиял, как дыра от выпавшего зуба, в скале в паре часов ходу от Скорлупы.

Спуск – это отдельное искусство. Не лестница, а натуральная вертикальная труба, выгрызенная в камне чем-то очень острым и горячим. Стены были гладкими, влажными и отдавали запахом глины, сырости и чего-то ещё – сладковатого, как перезрелые грибы. Мы сползали по верёвкам, упираясь ногами и спиной в скользкие стены. Шарх мы оставили наверху. Без него спокойнее, а то опять найдет себе приключение на задницу. Да и сам он ворчал, что его чистый после бани мех тут испачкается.

Внизу нас встретил не просто туннель, а целый подземный мир. Низкие, но невероятно широкие своды, с которых свисали бледные, светящиеся мхи, дававшие тусклый зеленоватый свет. Воздух был тёплым, влажным и тихим – настолько тихим, что в ушах начинало звенеть. И тут я почувствовал это – лёгкое, навязчивое щекотание где-то на задворках сознания. Будто чей-то холодный палец пробовал на ощупь мои мысли.

Из тени бесшумно выполз на всех четырёх гребн. Кожа землистого оттенка, покрытая местами мелкими чешуйками, длинные тонкие пальцы, а вместо лица – гладкая маска с едва заметными ноздрями и широким, лишённым губ ртом. И мыслегребень, твёрдый кожистый гребень на макушке, который сейчас слегка вибрировал.

Щель что-то тихо щёлкнул языком – видимо, пароль. Гребн встал на ноги, повернул свою слепую голову в мою сторону, и щекотание в мозгу усилилось, стало наглым, исследующим. Залезть в башку без спроса – у гребнов это что-то вроде рукопожатия. Или проверки на вшивость.

Я уже собрался мысленно вернуть ему какое-нибудь увесистое ругательство, но тут вступил Шепот. Он потянулся к моей голове, напрягся, на его висках выступил пот, что-то щелкнуло и щекотание в моей голове исчезло, будто его перерезали.

– Мыслеблок, – прошептал Шепот, тяжело дыша. – Примитивная, но эффективная форма психической обороны. Прошу... не повторять попыток несанкционированного сканирования. Мы здесь по договору.

Гребн издал булькающий звук, который, видимо, был смешком или ворчанием. Он развернулся, опустил на руки и быстро пошел, как крокодил, вперёд по туннелю, явно ожидая, что мы последуем за ним. Шепот вытер лоб рукавом.

– Далось это мне нелегко, – признался он тихо. – Их телепатия... очень агрессивная. Но, кажется, они теперь будут вести себя прилично.

Хранителя знаний звали... в общем-то, мы так и не поняли, как его звали. Для наших ушей его имя было просто набором щелчков и низких частот. Он сидел в круглой каменной келье, стены которой были усеяны не письменами, а выпуклыми узорами, будто слепками мозговых извилин. От него веяло такой древностью, что пыль в воздухе казалась моложе.

Проводник-гребн просто кивнул в нашу сторону. Видать, им ту совсем не нужны слова. Все передается сразу из головы в голову. Хранитель повернулся к нам. Его гребень был не просто большой – он был сложным, ветвистым, как окаменевший коралл.

– Карта, — услышал я его голос. Он был сухим и безэмоциональным, как перелистывание страниц. – Чтобы получить её, нужно опустить щит. Недолго.

Я посмотрел на Шепота. Тот кивнул, но был напряжён, как струна.

– Гром, это риск. Но без карты мы не найдём путь к сердцу плотины. Я постараюсь контролировать процесс.

Я вздохнул, мысленно собрал всё своё упрямство в железный кулак и кивнул. – Ладно. Давай.

Шепот закрыл глаза. Через мгновение я почувствовал, как тот невидимый щит, что защищал мои мысли, истончился и исчез. И сразу же в мою голову хлынуло... не смятение, а чёткая, холодная структура. Это не были образы или слова. Это было знание. Трёхмерная, идеально детализированная карта подземелий вокруг плотины врезалась прямо в память, как будто всегда там была. Я видел туннели, залы, разломы, уровень грунтовых вод. Видел, где камень сменяется древним титановским бетоном. И главное – видел глубокую и защищённую точку под плотиной. Бункер.

Когда всё закончилось, я аж пошатнулся. В голове было непривычно гулко и... накурено чужим присутствием.

– Ещё момент, – сказал я, обращаясь к Хранителю, по новой карте в голове. – Нам могут понадобиться огненные черви. Чтобы проходить через завалы или самые твёрдые породы. Где их можно найти?

В ответ в карте в моём сознании подсветилась область – далёкий, извилистый туннель, уходящий глубоко в сторону термальных источников. Рядом с ней возникло ощущение тепла и движения.

– Там, – прозвучало в голове. – Но будьте осторожны. Они дикие и голодные. Любят металл.

– Готово, – сказал Шепот, снова ставя блок. Он выглядел смертельно уставшим. – Что случилось с вашими экспедициями? Почему вы не смогли пройти сами?

Хранитель замер. Его «голос» стал ещё суше, будто пепел.

– Мы... слишком чувствительны. Там мощное воздействие на наши мысли и видение. Там... Пустота, которая выворачивает наши эмоции. Для нас это физическая боль и безумие. Для тех, кто не слышит, – лишь страх. Вы – подходящий инструмент.

Инструмент. Приятного мало, но хоть честно.

Я пробежался взглядом по карте и отметил ещё одну деталь – широкий, искусственно выровненный тоннель, по которому текла подземная река.

– А это что за река под землей? – спросил я.

– Вода для огнов, – последовал ответ. – Они платят кристаллами осмия. Мы проводим воду. Такой обмен.

Дело ясное. Все друг другу что-то должны. Мы собирались уходить, поблагодарив, когда Хранитель вдруг подошел ко мне своей покачивающейся походкой, потрогал мой локоть. Потом потянулся как мог на весь свой рост вверх и положил свою сухую ладонь мне на грудь, как будто слушая удары моего сердца. Что-то забормотал про себя, поцокал языком и вдруг «прошипел» ещё одну фразу. Она прозвучала будто случайная мысль, но намеренно брошенная:

– Хороший мальчик у нас получился... из ога, хлада и огна. Больше так не вышло.

Я замер, чувствуя, как кровь стынет. Что?! Я резко вскинул голову, но тот уже отошел от меня и опускался в привычную для гребнов позу на всех четырех конечностях.

– погоди! Что это значит? Объясни!

Но Хранитель, не обращая на меня внимание, бесшумно скользнул вглубь своей кельи и буквально растворился в тёмной расщелине в стене.

Щель, наш проводник, дотронулся до моего плеча, указывая на выход. В его лице ничего нельзя было прочесть, но поза говорила ясно: разговор окончен.

Мы молча поплелись назад, к вертикальной трубе и к верёвкам, что вели наверх. В голове у меня горела чёткая, как чертёж, карта пути к плотине. И горела другая, обжигающая мысль, брошенная, как камень в темноту: «...из ога, хлада и огна...»

Всю дорогу наверх я молчал, переваривая это. Шепот смотрел на меня с безмолвным вопросом, но спрашивать не стал. Видимо, и ему было что обдумать.

Выбравшись на холодный, привычный ветер Терминатора, я глотнул воздуха.

– Ну что, мозг, – сказал я, глядя на тусклое небо. – Снаряжение выьем по полной. А насчёт всего остального... похоже, наша поездка на плотину будет куда интереснее, чем кажется. Там не только компьютер ищется.

– Эмпирические данные, – кивнул Шепот, поправляя планшет, – начинают складываться в крайне интригующую гипотезу. И крайне тревожную.

Шарх, который всё это время мирно дремал у входа, проснулся от нашего голоса и потянулся.

– Обсудили? Драгоценностей много в точке назначения? Должен же я что-нибудь ценное девчатам принести.

Мы с Шепотом переглянулись.

– Да, Шарх, – вздохнул я. – Много. И, кажется, помимо драгоценностей, мы нашли себе ещё и целую кучу новых вопросов. Без ответов.

И опять в путь

Перед сном, как всегда, когда мы никуда завтра не уходим, к нам в общую набилась ребятня. Не спрашивая, конечно. Просто пришли – кто с подушкой под мышкой, кто с игрушкой-самоделкой из обрезков кожи и проволоки, а кто и просто так, с одними горящими глазами. Заполонили все лежанки, расселись на полу, заняли каждый свободный угол. Гомон стоял, как на переправе в половодье.

– Шарх! Расскажи про ледяную нору! – запищала одна девчонка, совсем мелкая, с рожками, как у козленка.

– Про духа ледяного! – подхватил мальчишка с кожей, отливающей, как у огна, медным отблеском.

– А правда, там призраки были? – добавил третий, закутанный в одеяло с головой.

Шарх, небрежно развалясь на своей лежанке, сделал вид, что сильно раздумывает. Его узоры на коже сыграли ленивой, медленной синевой, что означало либо скуку, либо притворство.

– Нууу... – протянул он театрально. – Не знаю даже. История страшная. Мозги замораживает. Вам, молодым, такое слушать – спать потом в мокрых постелях будете.

Это была чистой воды формальность. Все в Скорлупе знали – Шарх не может устоять перед аудиторией. Особенно перед такой благодарной. Он уже мысленно потирал руки, и глаза его начали весело поблескивать.

И буквально через вздох он вскочил, как пружина. Комната мгновенно превратилась в его личный балаган.

Он не рассказывал – он показывал. И делал это так, что у меня самого мурашки по спине пробежали, хоть я всё это и видел своими глазами.

Вот он – Оррик. Шарх съежился, зажал лапами уши, замотал головой и засеменял на месте, бормоча бессвязные слова, а на его морде играла такая паника, что некоторые девчонки аж подобрались. Вот он – ледяной шепот в голове. Шарх замер. Совсем. Его глаза стали пустыми, стеклянными, будто вымерзли изнутри, а по коже пробежала судорожная волна ледяного, сизого света. В комнате на секунду воцарилась мертвая тишина. А потом он был Бореном, который согнувшись и кряхтя держал свинцовую плиту, а рукой ломал залипший болт. Потом он был молнией, которая его же и поразила. Тут он показал свой еще розовый шрам, который в виде молнии вился от запястья к плечу и ото всюду послышались восторженные охи и ахи. Не мог он обойти в своем рассказе и Лорика, которого в начале изобразил как дрожащего трусишку, но в конце показал, как он щелкает на своих счетах и спасает реактор от взрыва.

Дети визжали от восторга и ужаса. Девчушки вскрикивали и хватали друг друга за руки, когда Шарх, изображая «паразитное пси-излучение», начинал носиться по комнате зигзагами, шипя и щелкая зубами. Мальчишки вскакивали и начинали показывать, как бы они отбивались от невидимых чудовищ, заражаясь его неистовой энергией. Когда он, эмоционально изображая первый поход к кубу, сказал голосом призрака «Пришли!» – один ребенок даже заплакал от испуга.

Но самый интересный момент наступил не от этих прыжков и криков. А от тишины.

Когда дошло до вулкана Ночницы, Шарх вдруг – враз – остановился. Словно кто-то тумблером щелкнул. Вся его клоунская суета испарилась. Он медленно опустился на пол, прямо среди детей, обхватил колени своими короткими лапами и уставился куда-то в пространство перед собой. И заговорил. И голос его был не резким и не громким, а тихим, почти шепотом, каким он не говорил никогда.

– А там... ребята, там небо... – Он замолчал, подбирая слова. – Оно не наше. Не такое, как здесь, в Терминаторе. Не затянута вечными тучами. Оно... черное. Черное-пречерное, как

сажа в самой глухой пещере. Пустое и бесконечно глубокое. И в этой черноте... звёзды. Они... они горят. Холодным, острым, колючим светом. Будто кто-то иголками из льда проткнул бархат. И Луна... – Он сделал паузу, и мы все затаили дыхание. – Она не просто бледное пятно у барьера. Она висит. Огромная. Во всю эту черноту. И видно на ней всё – все шрамы, все морщины, все кратеры. Как лицо самого древнего, самого мудрого деда на свете. И свет от неё... он не греет. Он просто льётся. Серебристо-синий поток. Как жидкий лёд. Им можно напиться, и от него замерзаешь изнутри.

Он замолчал, словно заново переживая это. Его узоры замерли, переливаясь теперь не буйными красками, а мягким, приглушенным, почти невесомым светом – слабым отражением того немыслимого зрелища.

– И вулкан... – продолжил он, и в его голосе прозвучало что-то вроде благоговения. – Он не просто гора, из которой огонь плюется. Он... живой. Он дышит. Из жерла поднимается не дым, а сам свет. Розовый, оранжевый, золотой. Как расплавленное стекло, но теплое. И этот свет падает на льды вокруг, на всю эту ледяную пустыню... и лёд загорается. Светится изнутри. Фиолетовым, синим, изумрудным... Будто под толщей льда заперты целые другие миры, целые галактики, и они проступают сквозь лёд этим тихим, волшебным сиянием. А по склонам вулкана жизнь. Все животные и насекомые светятся и переливаются. Там растут грибы как деревья. Огромные олени и охотящиеся на них северные волки. И хлады... Они добрые и умные...

В комнате воцарилась такая тишина, что слышно было, как в соседней комнате капает вода. Даже самые ершистые мальчишки замерли, разинув рты. В широком дверном проеме, незаметно, возникли силуэты старших – Перто-банщик с полотенцем через плечо, и пара сталкеров с вечернего дозора. Они притворились, что просто проходят мимо, но застряли, прислонившись к косякам. Их суровые, обветренные лица в полумраке казались менее жесткими, почти задумчивыми.

Шарх больше не добавил ни слова о битвах, подвигах или подарках. Он просто сидел, глядя в пустоту, и на его всегда озорной, кривляющейся морде лежала печать какой-то глубокой, почти чуждой ему печали и уважения к увиденному. В этой общей, замороженной тишине и был самый главный фокус. Красота ледяного ада, переданная через призму его буйной души, коснулась каждого. Даже меня.

Потом он вздрогнул, словно очнулся ото сна. Его обычная, наглая ухмылка медленно растеклась на лице.

– Ну, а потом мы у хладов в гостях были! Суп ихний горячий хлебали! А я им показывал, как вот этим самым кинжалом, – он похлопал по рукояти у пояса, – гриб в воздухе разрезать! Они аж ушами хлопали!

Заколдованная тишина взорвалась смехом, вопросами, просьбами показать фокус сейчас же. Но тот кусочек тихого звездного чуда уже повис в душном воздухе комнаты, как драгоценная пыль, и никуда не делся.

В час Врат Яви, когда Скорлупа просыпалась под глухой гул кристалла-будильника, я стал собираться по делам снаряжения команды. Борен уселся перед своей экспозицией: «Плачущий Ангел» на фоне ледяной шкуры бронетигра в постоянном свете нашего солнца. Слепой великан уселся перед ней в своей немыслимой, складчатой позе, похожей на корни древнего дерева. Он не молился – он слушал то, что слышит только он. Его каменные ладони лежали на коленях, а незрячее лицо было повернуто к статуе. Он слушал тот едва уловимый, чуждый всему вокруг гул, что исходил от неё, ощущал её холодную, металлическую вибрацию кожей спины и ступней.

– Настраиваю струны, – бормотал он обычно в такие моменты. На что нужно настраиваться – знал только он.

Шепот тоже после завтрака начал куда-то собираться. Залез в свой сундучок, достал давно скапливаемые «Искры» в количестве 5 штук и потребовал у меня еще пять. На вопрос «Куда тебе столько?» он только грустно посмотрел на меня своими тусклыми глазами. Я, вздохнув, отсчитал ему из поясной сумки пять «Искр».

Шарх тем временем, лихо поправив на поясе новый, белоснежный кинжал, объявил, сверкнув глазами:

– А я... пойду. Прощания там... кое с кем.

Я только хмыкнул в ответ. «Кое с кем» было всем прекрасно известно. Главная «кое-кто» – Улька. Девушка, невысокая даже для полуогрихи, но крепко сбитая, с широкой улыбкой и быстрыми, ловкими руками ткачихи. От хладской крови в ней остались причудливые, бирюзовые узоры на смуглой коже, которые оживали и начинали мягко светиться, когда она смеялась. А смеялась она, как я заметил, особенно часто и звонко, когда рядом вертелся наш Шарх, пытаясь быть галантным и неизбежно попадая впросак.

А еще была Лиана – полутекин-полуогр, высоченная, худая, как жердь, с острым взглядом и слабым, но упрямым телекинезом. Она обожала дразнить Шарха, доводя его до белого каления какими-нибудь едкими замечаниями, от чего он пыхтел и дулся, как индюк. Картина, в общем, привычная и даже умилительная в своей глупости. Ну, молодежь.

Я же направился напрямик к оружейникам, в кузню Грима. Там пахло углем, окалиной, маслом и потом. Сам Грим, коренастый полуогр, возился с заготовкой клинка.

– Дело, Гром? – буркнул он, не отрываясь от работы.

– Ножны, – сказал я. – Заплечные. На два отделения. Чтоб и старый мой лом железный влез, и новый, костяной.

Грим отложил инструмент, вытер руки о фартук и подошел. Он молча взял оба лома, взвесил на ладони, особенно долго вертел в руках костяной. Его толстые, покрытые мозолями пальцы осторожно провели по его поверхности, ощутили температуру, легкую шероховатость резьбы.

– Кость исполинского моржа, – наконец изрек он с одобрением в голосе. – Тяжелая, но вязкая. Хлады знают толк. Сделаю. Кожа будет двойная, с подкладкой из шкуры пещерного медведя – не натрет плечо, даже если бежать придется. Будет готово к Вратам Нави.

Следующая точка – лавка «У старой Варги». Это была не лавка даже, а скорее пещера, заваленная самым полезным и бесполезным хламом со всего Терминатора. Хозяйка, Варга, худая, как сучок, текинка с потускневшей от возраста сосудистой сетью на висках и набрякшими веками, встретила меня не своей обычной кривой, оценивающей усмешкой.

– Гром, – кивнула она, и в кивке было нечто новое – почти уважение. – Слышала, вы там, на краю света, ледяных духов ублажили. Круто. Что понадобится?

Отношение чувствовалось сразу. В её глазах уже не было того снисходительного блеска, что бывает, когда смотрят на «молодого пацана, который вот-вот накосячит». Теперь я для нее был сталкером. Точка.

– Пять катушек троса, того, что титановского плетения, если остался, – начал я перечислять. – Пластырь-коагулянт, три упаковки. Сухих пайков на два месяца для четверых – и, Варга, без тухлятины прошлогодней, я знаю, у тебя есть свежий запас.

Она скривила губы в подобие улыбки.

– Дороже будет.

– Гребны заплатят.

– И... – я понизил голос, – есть что от пси-воздействия? Что-то, что не позволит чужому залезть в твою голову. Для простых ребят, вроде нас.

Варга прищурила свои хитрые глазки ещё больше.

– Для «простых», которые хладам реакторы чинят... – Она протянула слово. – Есть кое-что. Не гребенские бредни-обереги, а титановское. Чистая механика. «Глушители нейронного

резонанса». Форма – как наушники, только на твою голову не налезут, надо будет мастерить расширитель. Работают от одной «Искры». Стоят две. Сильно не помогут, если в башку полезут целенаправленно, но общий фон, помехи – срежут. Штука редкая, я сама у огнов выменяла только две пары.

– Беру обе, – сказал я без раздумий.

– Мудрое решение, – кивнула Варга, уже не пытаясь набить цену, а называя ту, что была честной.

Перед самым сном, когда в Скорлупе гасили основные светильники, я с Бореном, оторвавшимся от своего «святилища», совершил последний обход. Ножны от Грима оказались чудом мастерства – сидели на спине, как влитые, не стесняя движений. У Варги мы погрузили на могучие плечи Борена тук с провиантом и снаряжением.

Помимо заказанного, мой глаз упал на пару вещей, и рука сама потянулась за «Искрами»:

Во-первых, портативный титановский скиммер для воды – плоская коробочка размером с ладонь. Запускаешь в любую лужу, болото или даже в солончаковую жижу, а на выходе – чистая, питьевая вода. Для пустыни Денницы вещь бесценная.

И во-вторых, набор сигнальных гранат гребнов – не взрывных, а световых. При активации они издавали не просто хлопок, а пронзительный, на самой грани слышимости, мыслевибрационный визг и ослепляющую вспышку. Говорили, даже огни от них на секунду теряются. «На случай, если эти фантомы окажутся не совсем уж бесплотными», – подумал я, пряча шарики в поясную сумку.

Мы уже выходили из пещеры Варги, нагруженные, как выючные краулеры, и направлялись по узкому служебному туннелю к нашим клетушкам, когда впереди, в месте, где туннель сужался, встала знакомая, широкая, как дверь, тень.

Грохот.

Он стоял, прислонившись плечом к сырой стене, его тяжелая, окованная металлом дубина лежала рядом, тоже прислоненная. Он смотрел на меня. Не сквозь, не мимо, а прямо на меня. Взгляд был тяжелый, оценивающий, без привычной каменной презрительности, но и без тепла. Воздух вокруг него, казалось, стал гуще и неподвижнее.

– Собираетесь, – произнес он. Это был не вопрос, а утверждение.

– Собираемся, – так же нейтрально подтвердил я, чувствуя, как Борен за моей спиной замер в своей немой, скалистой позе.

– На плотину. К пси-призракам, – Грохот фыркнул, но в фыркание было больше усталости, чем насмешки. – Кадмон вас, я гляжу, на самые унылые дела направляет. Или просто сплавить с глаз долой.

– Контракт есть. Работа есть, – коротко отбрил я, не желая вдаваться в политику.

Грохот молча оттолкнулся от стены и сделал пару шагов навстречу. Его глаза скользнули по новым ножнам за моей спиной, зацепились за торчащую из одного отделения рукоять костяного лома.

– Это он? Что камень мой тогда?

– Он, – кивнул я.

Он помолчал, пережевывая тишину. Потом протянул руку, ладонью вверх. Непрошенный жест был настолько властным, что спорить с ним в этот момент казалось глупым.

– Дай поглядеть.

Это не была просьба. Это была проверка. Испытание. Даже не оружия – меня. Я медленно, не сводя с него глаз, снял со спины ножны, вытащил костяной лом и протянул его, держа за середину, чтобы он мог взять за любую сторону.

Грохот взял. Его огромная, покрытая шрамами лапища с легкостью обхватила рукоять. Он взвесил лом на ладони, покрутил, постучал по нему корявым ногтем большого пальца, прислушиваясь к глухому, плотному звуку. Потом его взгляд, холодный и внимательный, скольз-

нул по стене туннеля, выискивая что-то. Он нашел – небольшой, но твердый выступ породы. Без всякого предупреждения, коротким, резким движением, больше похожим на тычок, чем на удар, он ткнул острием лома в камень.

Раздался негромкий, но очень четкий, влажный хруст. Не звон, а именно хруст, будто ломался сухарь. В камне осталась глубокая, с чистыми краями выемка. Грохот поднес конец лома к глазам, повертел. Ни скола, ни царапины. Только мелкая серая пыль.

Он некоторое время смотрел то на лом, то на дыру в стене. Его лицо, обычно налитое либо злостью, либо презрением к миру, было задумчивым, почти отрешенным. В конце концов, он развернул лом вертикально и протянул его мне обратно.

– Вещь, – выдавил он наконец, и голос его звучал глухо, будто из-под земли. – Береги её. Такое... не каждый день дарят. И не каждому.

Он сделал шаг назад, освобождая путь, но не уходил. Стоял и смотрел на меня, и в его взгляде было что-то сложное, что я не мог сразу расшифровать.

– На плотине... – начал он и запнулся, словно слова не шли с языка. – Там не только стены давят. И не только тишина. Там... память титанов лежит. А их память, парень... она не мертвая. Она живая. И она злая. Вы там, в своей Норе, с ледяным сном имели дело. Это одно. Он холодный, он давит, но он... простой. А то, что под плотиной... – Он снова ткнул пальцем себе в висок. – Это не сон. Это кошмар. Кошмар, который титаны в бетон залили и забыли. И он там бродит. Он будет лезть. Искать щель. Слабину. – Его взгляд стал пронзительным. – Вот здесь слабина. – Палец снова у виска. – Твой Шепот... он умный. Голова у него светлая. Но для такой дряни его светлая голова – как фонарь в крошечной тьме. Будь за ним глаз да глаз. Не дай ему утянуть вас всех в свою яму.

Это не была угроза. Это было... предостережение. Суровое, неотесанное, но, черт побери, почти что отеческое. От Грохота. Мир явно сходил с ума.

Я кивнул, пряча изумление где-то глубоко внутри.

– Учтем, дядька.

Грохот лишь хмыкнул – звук, похожий на перекачивание булыжника. Он развернулся, взял свою дубину и, волоча ее за собой, не оглядываясь, зашагал в противоположный конец туннеля, где его поглотила привычная темнота.

Я перевел дух и посмотрел на Борена. Слепой великан «смотрел» в ту же темноту, его каменное лицо было непроницаемо, но я знал – он всё слышал и всё почувствовал. В сыром воздухе висели не сказанные вслух слова. Стычка, которой я в глубине души, наверное, ожидал, обернулась чем-то совершенно иным. Признанием? Перемирием? Или просто новой, более сложной формой нашего старого противостояния, где граница между уважением и враждой стала зыбкой, как дым.

«Инструмент», – пронеслось у меня в голове, всплыли слова Хранителя гребнов. «Глаз да глаз», – только что сказал Грохот.

Я вздохнул, взвалил тюк покрепче на плечо. Знакомая, почти уютная тяжесть снаряжения легла на спину. Но куда более ощутимой была другая тяжесть – ожиданий, непрошенных советов, неразгаданных тайн и этого странного, нового взгляда, которым на меня теперь смотрели в Скорлупе. Путь на плотину, оказывается, начинался не за тяжелыми створками главных ворот. Он начинался прямо здесь, в этом сыром, пропахшем грибами и маслом туннеле, с тихого хруста кости о камень и с обжигающего взгляда старого сталкера, в котором вдруг проступило что-то помимо привычной, простой злобы.

Мы двинулись к нашей комнате. Завтра – ранний подъем, последние проверки и снова в путь. А в ушах все еще стоял хруст камня.

Перед сном Шепот похвастался, на что он потратил такую огромную сумму. Это были гоглы с наборными стеклами, изготовленными из очень прозрачных кристаллов и очень качественно отполированными.

– Что это? – Спросил я, не веря, что он отвалил такую сумму за какие-то очки.

– Это увеличитель, – в голосе Шепота слышались дрожащие нотки возбуждения, что для него совсем не свойственно. – Мастер Гном три года полировал линзы. Увеличение в максимуме до 10 000. Если я добуду еще пять «Искр», то он отдаст последнюю линзу и увеличение будет 50 000.

Я посмотрел на Шепота, который с благоговением поглаживал свою новую игрушку. Хотел сказать, что на эту сумму он мог жить и столоваться в любом поселке терминатора в течении пары лет, но глядя на его возбужденные глаза не стал. В конце концов, Шепот очень важный член нашей команды и у него должно быть что-то, что доставляет ему радость.

Проснулись по звону кристалла, как всегда. Завтрак в общей столовой был шумным – все знали, что мы сегодня уходим. Каша казалась гуще обычного, и в чай даже положили по ложке настоящего мёда, не грибного суррогата. Видимо, поварам тоже что-то про вулкан Ночницы рассказали.

Когда вышли к главным воротам Скорлупы – обалдели. Там собралась, кажется, половина деревни. И вторая половина смотрела из окон и с балконов-уступов. Детишки всех мастей толпились впереди, галдели, показывали на нас пальцами. Слышал, как один карапуз с рожками тащил мамку за рукав и орал: «Смотри, это они! Те самые, которые!».

Чувствовали мы себя, честно говоря, неловко. Как экспонаты на показе. Шарх, конечно, сразу надулся, принял героическую позу и начал кивать, как королевич, особенно в сторону Ульки и Лианы. Те стояли чуть в стороне. Улька – маленькая, крепкая, в простом платье, но её бирюзовые узоры сегодня светились ровным, тихим светом. Она просто помахала Шарху рукой. Лиана, высоченная и худая, скрестила руки и крикнула: «Смотри там, Шарх, уши не потеряй где-нибудь!». Он фыркнул, но видно было, как ему это внимание приятно.

И тут у самых ворот, где обычно дежурит только стража, мы увидели Кадмона. Сам вышел. Стоит, опираясь на посох, и смотрит на нас своим разными глазами – одним холодным, стеклянным, другим усталым, человеческим. Рядом с ним топтался здоровенный парень, которого я раньше видел разве что на огородах или у кузни. Народ притих.

Он дождался, пока мы подойдем, и первым делом хмуро оглядел наше снаряжение.

– Нагрузились, как огры на соляной промысел, – процедил он. – Пешком под своей тяжестью через два перехода сдохнете.

– Мы готовы идти, отец, – начал было я.

– Знаю, что готовы. Глупость – она всегда готова, – отрезал он, но в его голосе не было прежней свирепости, а только усталое раздражение. – Дорога до точки входа в пустыню Денницы – два с лишним месяца пешего хода, если не разорвут вас по пути гнилые твари. Времени у меня на ваши похороны нет. Контракт с гребнями сорвется.

Он мотнул головой в сторону, за ворота. Мы выглянули.

За воротами, на утоптанной площадке, стояли три верховых краулера, грузовая тележка и еще два краулера в упряжке к ней. Уже загруженная. Краулеры – здоровенные, шестиногие твари, похожие на помесь ящерицы и таракана. Спины у них плоские, удобные для седока, амортизация отличная. Глаза сонные, постоянно жуют что-то.

– Три верховые облезлые клячи, телега и две запряжные, – буркнул Кадмон. – И Власим с вами. – Он толкнул локтем того здоровяка. Парень смущенно переступил с ноги на ногу. – Он полдороги, до скального массива Брошенных Игл, вас проводит и будет ждать. Ровно три месяца. Не появись – поедет назад и доложит, что вы где-то сгинули. Хоть знать буду.

Он помолчал, его взгляд скользнул по нашим лицам. В его обычном, вымороженном глазу я вдруг поймал не вспышку гнева, а что-то другое – тяжелую, невысказанную заботу. Но голос его по-прежнему скрипел, как ржавая дверь.

– В телеге, кроме вашегохлама, – сухари, мясо, зерно для скотины. И бочонок веселого кваса. Не для вашего пьяного веселья, а чтобы ноги не волочили как тряпичные. Вы теперь лицо Скорлупы, хоть и кривое. Позорить меня в пути не позволено. Понятно?

Ну что ж. Мы переглянулись. Шепот вздохнул с облегчением. Шарх прошептал: «Квас-то он все-таки дал. Значит, не всё так плохо».

Власим неуклюже кивнул нам. Парень и правда был здоровенный, от огня в нем было несколько рыжеватый спокойный взгляд и рыжая борода при лысой, зеркально сверкающей, голове, а огриная кровь давала рост и широченные плечи. Но при этом он как-то по-детски стеснительно улыбался, особенно когда Шарх радостно сверкнул зубами в его сторону – видимо, они были знакомы.

– Влас! Ты с нами? – прокричал Шарх.

– Я... да, – просто сказал Власим, и его низкий голос прозвучал очень добродушно.

– Выполните контракт – тогда и поговорим, – огрызнулся Кадмон, словно недовольный, что мы отвлеклись. – А сейчас – с глаз моих долой. И чтобы к концу сегодняшнего перехода у ручья Бычьего стояли лагерь, а не тут околачивались.

С этим он резко развернулся и, не оглядываясь, зашагал обратно вглубь Скорлупы, его посох яростно стучал по камню.

Я вздохнул и кивнул Власиму.

– Рады тебе. Садись в телегу, вместе с Бореном, будем знакомиться в дороге.

Борен уже молча кивнул помощнику, показывая на упряжь – дескать, проверь тут. Шепот с интересом оглядывал нового члена экспедиции, явно составляя в голове тактико-антропологическую справку.

Я забрался на своего краулера.

– Вы слышали, – сказал я команде. – Чтобы без привалов до Бычьего ручья.

Мы тронулись, оставляя за спиной крики «Счастливой дороги!» и медленно закрывающиеся ворота. Телега закрипела, краулеры заковыляли своей развалистой походкой. Власим ловко управлялся с вьючными, тихо что-то мурлыча им под нос.

Шарх пристроил своего краулера рядом с телегой и сразу начал рассказывать какую-то невероятную историю, от которой Власим тихо посмеивался своим грудным смешком.

Я усмехнулся, глядя на удаляющуюся Скорлупу. Старый ворчун. Но наш ворчун. И квас он нам всё-таки дал. И подмогу. И три месяца на выполнение дела. С этого и начнем

Дорога налево

Солнце висело там, где ему и положено – градусов на пятьдесят от горизонта, изредка проглядывая между вечными тучами Терминатора. В прошлый раз, когда мы тащились к Вороной Скале, солнце было справа. Но сейчас оно светило мне в левый бок, слепило сбоку. Непривычно. Ко всему в этой поездке приходилось привыкать заново.

Если в прошлый раз мы шли по районам, в которых было много поселений, то теперь же мы ушли в земли, где обычно встречаются только охотники да добытчики. Цивилизации тут, можно сказать, ноль. Только земля, вода, грибы да тишина. Ну, не совсем тишина – Шарх и Власим позади о чем-то трещали без умолку.

Я покрутил в голове карту Терминатора, которую нарисовал себе в голове за годы учебы. Справа впереди, у самой стены, там, где ледник начинает подниматься к небу, у хладов есть их постоянный лагерь на этой стороне стены – Торговая Служка. Выкупили клочок земли у огров за какие-то непонятные, но явно ценные штуки. Там у них обмен идет: соль, жир, костяные изделия на металл, ткани и прочее. Мы теперь, вроде как, Друзья Ночи, могли бы завернуть – нас бы и накормили, и новостями снабдили. Но крюк туда – лишних десять Прав. Да и краулеры по ледяным тропам хладов не пройдут – не те ноги. Так что махнули мы на ту сторону рукой. Едем своим путем.

А путь наш лежал вот как: придерживаемся северной кромки больших джунглей. Это не те дикие, непролазные дебри, что дальше на юг. Здесь как бы преддверие. Почва твердая, но вся пропитанная влагой, будто гигантская, слегка подсохшая сверху губка. Грибы тут растут не просто большие, а архитектурные. Некоторые шляпки, как крыши домов, торчат. И пахнет... сыростью, прелью и чем-то сладковато-землистым. Краулерам такая дорога в кайф – мягко, не скользко, и всякой грибной поросли для их пропитания хватает.

Болота попадаются, да. Но не те ужасные трясины, что в Гнилых Болотах, где можно провалиться с головой. Здесь это скорее очень мокрые лужайки, поросшие странными пузырчатыми водорослями. Краулеры шлепают по ним, не обращая внимания, а иногда и вовсе ложатся в воду, охлаждаются. И плавать они, оказывается, мастера! Пересекали уже пару рек – широких, но ленивых, потому что мы далеко от Барьера, где реки с ледника несутся с бешеной скоростью. Так наши шестиногие кони просто заходили в воду и плыли, как баржи, только носы торчат и глаза по сторонам вальяжно поводят. Телега, конечно, на плаву не ахти, но Власим ловко соорудил из пустых бочонков и досок нечто вроде понтона, так что и груз сухой.

Главная головная боль на этом отрезке – текины. Не наши старые знакомые из Скалы Воронов, а другие. Их поселение где-то севернее, в скалах у самой стены, зовется Орлиный Приют. Горные, суровые, с телекинезом посильнее, чем у равнинных сородичей. Славятся тем, что считают всю землю у подножия своих скал своей охранной зоной. И летают патрулировать на своих гудящих баржах. Попастись им на глаза – значит нарваться на допрос, а то и на конфликт. Мы стараемся держаться подальше от их владений, ближе к грибным лесам, но все равно глаз с неба не спускаем.

Цель у нас теперь – горный массив, что встает на горизонте сизой зубчатой стеной. Кадмон не зря сказал про скалы Брошенных Игл. Там, с дальней стороны, ближе к Барьеру, как раз и находится Орлиный Приют. А нам нужно на южную сторону массива. Туда, где горы плавно переходят в предгорья, а потом и в раскаленную пустыню Денницы.

План такой: доезжаем до подножия гор. Эти горы с обеих сторон омывают реки, которые текут от стены к пустыне. Переправляемся через реку. Там оставляем Власима с краулерами в укрытой долине. У него припасов на три месяца, шалаш он себе соорудит – парень рукастый. А мы налегке, с самым необходимым на плечах, обходим горы с юга. Не по горам карабкаться, а по кромке джунглей, которые тут лезут уже вверх по склонам. Там тропы должны быть –

звериные, может, даже старые титановские дороги, если повезет. А потом, переправившись через реку, что омывает горы с противоположной стороны, мы вдоль этой реки идем в сторону пустыни. Пройдем так примерно треть оставшегося пути – и вот она, точка входа. Сухая, выжженная земля, огромный камень с плоской вершиной, ориентир ... и погружение в адскую жару пустыни. До самой плотины мы по пустыне не дойдем, там только огни могут выжить. На наше счастье, на расстоянии дневного перехода есть вход в пещеры, отмеченный другим ориентиром – расколотой вертикальной трещиной скалой. Там наш путь до плотины будет проходить уже под землей.

Мысленно я уже сто раз прошел этот маршрут. А в реальности... В реальности надо было следить, чтобы Шарх не умчался в сторону за какой-нибудь светящейся жужелицей, чтобы Шепот не провалился в муравейник размером с дом, чтобы Борен, едущий сзади и «слушающий» землю, вовремя предупредил о подозрительной пустоте под ногами. И за Власимом присмотреть – парень добряк, сильный, но в походах такого накала, кажется, не бывал. Щеки у него от ответственности порозовели, глаза на все круглые.

И дорога только начинается. Долгая, сырая, полная странных запахов и звуков. Но пока что – спокойная. И это была та самая спокойная передышка, после которой обычно и начинается самое интересное. А у нас впереди, если верить Кадмону и Грохоту, интересного – выше крыши. Так что надо было наслаждаться пока что простой дорогой налево, под непривычное солнце в левом боку.

Шарх, конечно, не мог долго наслаждаться спокойствием. Уже на второй день пути он начал ныть.

– Они вообще двигаются? – ворчал он, покачиваясь на своём краулере. – Я бы пешком быстрее дошёл. Смотри, муравей ползёт – и то обгоняет!

Его краулер, пятиметровая шестиногая тварь с флегматичным взглядом, лишь лениво жевала жвачку и не обращала внимания на пассажира. Шарх же, не в силах усидеть на месте, периодически спрыгивал со спины животного и пускался в бег, описывая широкие круги вокруг медленно движущегося отряда.

– Разминаю ноги! – кричал он, пролетая мимо телеги. – А то забуду, как ходить! Влас, слышишь? Забуду!

Власим, сидевший рядом с Бореном на телеге, только ухмылялся в рыжую бороду и покачивал головой. Он быстро стал всеобщим любимцем – спокойный, сильный, с добрыми глазами и незлобивым характером. Что, впрочем, не уберегло его от внимания Шарха.

Наш хлад-текин быстро решил, что новичка нужно «прочувствовать». В первую же ночёвку, пока Власим разгружал телегу, Шарх подsunул ему в спальный мешок горсть огненных муравьев – мелких, но злоющих созданий, чьи укусы оставляют волдыри размером с монету. Власим, конечно, выскочил из мешка с рёвом, отмахиваясь, а Шарх уже стоял рядом с умным видом:

– Видишь, братишка? Нельзя спальник на голую землю класть. Надо ветки подстелить. Ничего, я тебя научу, как ходить в походы!

Власим отряхнулся, посмотрел на Шарха, спокойным взглядом, и ничего не сказал. Но на следующую ночь он уже сам выбрал место для сна – на небольшом возвышении, под нависающим грибным козырьком. Шарх, наблюдавший за этим, только фыркнул: «Ну ладно, способный ученик».

Но его педагогический пыл не угас. Когда мы остановились на привал у ручья, Шарх решил, что Власиму нужно «оживить поездку». Он поймал осу размером с кулак – полосатую, жужжащую, с ядовитым жалом – и осторожно подложил её под сложенную кожаную подушку, на которой Власим обычно сидел в телеге. Расчёт был прост: сядет – оса ужалит – все посмеются.

Но Власим, возвращаясь от костра, вдруг остановился в двух шагах от телеги. Его ноздри дрогнули. Он медленно наклонился, прислушался к тихому жужжанию, а потом резким движением швырнул подушку в сторону. Оса, взбешённая, вылетела из-под неё и тут же устремилась к Шарху – видимо, почувствовав в нём источник своих бед.

– А-а-а! – взвизгнул Шарх и пустился наутек, отбиваясь от насекомого руками.

Власим же, не торопясь, догнал его, схватил за шиворот одной рукой, а другой аккуратно поймал осу в воздухе, смял ей крылья и бросил в кусты.

– Хватит, – сказал он спокойно, но так, что Шарх сразу притих. – Играть – играй. Но оса могла и краулера ужалить. Тогда б мы пешком пошли.

Шарх потупился, его узоры заиграли смущённой рябью.

– Ладно... – пробормотал он. – Больше не буду.

Власим отпустил его, похлопал по плечу и пошёл обратно к телеге, будто ничего и не произошло. С тех пор Шарх относился к нему с подчёркнутым уважением, но всё равно то и дело норовил подшутить – только уже безобиднее.

Дорога тем временем была все такой же сырой и пахучей. Грибные леса становились то выше, то ниже. В некоторых местах почва становилась твёрже, каменистее, но потом опять начинала хлюпать под ногами.

На четвертые сутки случилось приключение. Дорога вилась по краю обширного, покрытого чахлыми гигантскими папоротниками болота. Воздух был густым, влажным и звенел от монотонного жужжания крупных насекомых. Краулеры шлепали по плотному, упругому ковру из мха и переплетённых корней, время от времени фыркая, когда из-под ног выскакивали прыгучие земноводные.

Шарх, как обычно, бежал впереди отряда, высматривая что-нибудь интересное. Внезапно он замер, его узоры вспыхнули тревожным сигналом.

– Стой! – его обычно визгливый голос прозвучал резко и тихо. – Впереди... бревно странное.

Мы остановили краулеров. Впереди, пересекая узкую тропинку между двумя кочками, лежало действительно нечто, напоминающее огромное, полусохшее бревно, покрытое бурозелёной чешуёй, сливавшейся с болотной грязью. Оно было толщиной в два обхвата и длиной метров восемь. Я сразу понял – не бревно.

– Удав. – тихо произнёс Шепот, всматриваясь с телеги через планшет. – Тепловая сигнатура активная. Он не спит. Притворяется.

В тот же миг «бревно» ожило. Оно не стало медленно шевелиться – оно рвануло с неожиданной для такой массы скоростью. Не просто в нашу сторону, а в сторону головного краулера, на котором сидел я. Видимо, зверь рассчитал на ближайшую и самую крупную добычу.

Моя шестиногая лошадка дёрнулась назад, издав испуганный горловой звук. Я едва удержался в седле, одной рукой хватая лом, другой – пытаюсь успокоить животное. Голова удава, плоская и широкая, с холодными, круглыми глазами, метнулась к ноге краулера.

Раздался глухой удар. Это Борен, не вставая со своего места на телеге рядом с Власимом, с силой шлёпнул ладонью по борту. Не по камню – по прочной деревянной планке, на которую была навалена часть нашего снаряжения. Звук был низким, резонирующим, не похожим на обычный стук. Удав на мгновение замер, сбитый с толку этой вибрацией. Его атака замедлилась, и я успел рвануть поводья в сторону, уводя краулера от смертоносной пасти.

– Он глухой к обычным звукам, но низкочастотные вибрации через землю его дезориентируют! – быстро заключил Шепот, его пальцы уже летали по планшету. – Борен, продолжай! Гром, Шарх – он попытается обвить! Цель – голова или позвоночник!

Шарх как стрела сорвался с места. Он не побежал по земле – он использовал слабый телекинез, чтобы совершить огромный прыжок с кочки на кочку, оказавшись сбоку от змеи. Его новый кинжал блеснул, вонзившись в чешуйчатый бок. Но чешуя была крепкой, как кера-

мическая плитка. Клинок скользнул, оставив лишь глубокую царапину. Удав, больше похожий теперь на разъярённый паровой каток, свился в мгновенную молниеносную петлю, пытаясь захлестнуть Шарха. Тот едва вывернулся, и острый шип на кончике хвоста змеи распорол ему кожу на боку.

– А-а-а, сука! – взвизгнул Шарх, отскакивая и хватаясь за рану.

Я уже был на земле, вытащив оба лома – железный в одну руку, костяной в другую. Борен, по-прежнему сидя, методично бил кулаком по днищу телеги, создавая глухой, вибрирующий гул, который, казалось, действительно нервировал исполинскую змею. Она не отступала, но её движения стали более резкими, менее скоординированными.

– Его брюхо светлее и мягче! – крикнул Шепот, анализируя данные с тепловизора. – И есть старая рана, ниже головы, справа! Вижу шрам на теплокарте!

Удав, раздражённый до предела, снова пошёл в атаку, на этот раз широко разинув пасть, чтобы схватить голову краулера Власима целиком. Власим, бледный от ужаса, но не растерявшийся, изо всех сил дёрнул поводья, заставляя своих двух выючных краулеров рвануть телегу вперёд и в сторону. Колёса заскрежетали по корням.

Этот манёвр подставил под удар бок змеи. Я не стал метать лом – дистанция была невелика, а точность могла подвести. Вместо этого я сделал два шага вперёд и со всего размаха, используя инерцию тела, вогнал остриё костяного лома в светлый участок на брюхе, который отметил Шепот.

Раздался звук, похожий на разрыв плотной влажной ткани. Лом вошёл глубоко. Удав взвился узлами – это был хаос из бьющейся от боли плоти, тело переплеталось и выгибалось, с огромной силой выдернув лом из моих рук. Кровь, тёмная и густая, хлынула из раны.

Но зверь был ещё далёк от смерти. Ослеплённый болью, он начал бешено бить хвостом по округе, вырывая с корнем кусты и папоротники и разбрызгивая грязь. Один такой удар пришёлся вскользь по телеге, заставив её накрениться. Борен едва удержал равновесие.

– Голова! Добей! – закричал Шарх, который, стиснув зубы от боли в боку, уже подбирался с другой стороны, держа в лапе уже другой кинжал, больший, из клыка бронетигра.

Я видел, как мощные кольца мышц сжимаются вокруг торчащего из живота змеи моего костяного лома, пытаясь его сломать или вытолкнуть. Нужно было закончить быстро. Железный лом в моей руке казался игрушкой перед такими размерами огромной змеи, но он был знакомым и верным.

Удав, почуяв моё движение, развернул свою окровавленную голову ко мне. Его глаза, полные первобытной ненависти, встретились с моими. Он приготовился к последнему броску.

И в этот момент Шепот, до этого момента лишь дававший указания, сделал нечто. Он закрыл глаза, вжался в седло краулера, и на его висках вздулись вены. Он не атаковал – его способности на это не были рассчитаны. Но он, как умел, сконцентрировался. Не на змее, а на том низкочастотном гуле, что создавал Борен. Он попытался... усилить его, направить, сделать его не просто раздражающим, а оглушающим для примитивной нервной системы удава.

Змея дёрнулась, как от удара током. Её бросок потерял силу и точность. Голова моталась из стороны в сторону.

Этого мгновения дезориентации хватило. Я прыгнул вперёд, уворачиваясь от бьющего хвоста, и изо всех сил ударил железным ломом по основанию черепа удава, туда, где позвоночник соединяется с головой.

Кость хрустнула с ужасающей чёткостью. Исполинское тело вдруг обмякло, судорожно дёрнулось раз, другой и замерло, постепенно погружаясь в вязкую болотную жижу.

Тишина, наступившая после битвы, была оглушительной. Слышно было только тяжёлое дыхание Шарха, моё собственное и слабый стон Шепота, который обхватил голову руками, явно перегрузив свои способности.

Я подошёл, вытащил из брюха змеи свой костяной лом. Он был покрыт кровью и слизью, но ни единой трещины. Власим спрыгнул с телеги, всё ещё широко раскрыв глаза.

– Мама родная... – прошептал он, глядя на тушу. – Я про таких... только в страшилках слышал.

Шарх, хромая, подошёл к голове поверженного чудовища и пнул её.

– Вот тебе, ползучее... мою новую рубашу испортил! – Он показал на распоротый бок своей куртки и кожу под ней.

– Жив – и хорошо, – отдышавшись, сказал я, вытирая лоб. – Шепот, ты как?

– Мигрень... часов на десять, – простонал он в ответ. – Но... сработало. Теория подтвердилась.

Борен молча слез с телеги и, подойдя к туше, положил на неё ладонь, как будто прислушиваясь к уходящему эху жизни. Потом кивнул в нашу сторону – дескать, конец.

Мы потратили добрый час, чтобы оттащить тушу с тропы, обмыть оружие в болотной воде (насколько это было возможно) и перевязать Шарху царапину на боку. Мясо удава было жёстким и отдавало тинной, но нарубленное мелкими кусками для голодных краулеров стало пиршеством. Мы отрезали несколько внушительных кусков и про запас. Власим отодрал очень большой кусок шкуры и тоже, свернув, положил в телегу.

Тропа снова была свободна. Но ощущение лёгкой дороги куда-то испарилось. Болото вокруг внезапно показалось полным таких же «брёвен», затаившихся в тени папоротников. Мы двинулись дальше, но теперь ехали, зорко вглядываясь в каждую тень, в каждую кочку, прислушиваясь к тишине, которая уже не казалась просто тишиной. Она была полна шелеста чешуи о влажный мох и тихого, влажного дыхания чего-то большого и голодного.

Были и другие встречи. Как-то раз мы наткнулись на термитник – не земляной, а выгрызенный внутри гигантского гриба-столба, который возвышался над лесом на добрых десять метров. Шарх, разумеется, полез исследовать.

– Яйца там должны быть! – убеждал он нас, пока мы ставили лагерь. – Говорят, на вкус как ореховая паста!

Он сунулся в одно из отверстий в грибе и почти сразу выскочил обратно, облепленный солдатами-термитами размером с кисть руки Шепота. Те впились в его мех, щёлкали жвалами, а Шарх подпрыгивал, отдирая их и ругаясь. На некоторое время он успокоился. Но когда после привала попался еще один такой термитник, пониже, но в три раза шире предыдущего, Шарх применил другую тактику. Обойдя вокруг гриба, он долго принюхивался. Наконец, что-то учуяв, он вломился прямо сквозь стенку гриба внутрь с моим старым железным ломом в руках и одним из пустых мешков через плечо.

Оттуда донёсся грохот, треск, возня, а потом – победный крик. Шарх вылез, запылённый, но сияющий, и вывалил из мешка на землю большую кучу крупных, полупрозрачных яиц. Мы попробовали – и правда, на вкус как нежная паста с ореховым привкусом. Жарили их на костре, ели сырыми, даже Власим похвалил.

Еще одно событие случилось, когда мы вышли на опушку редкого леса. Солнце грело в левый бок, воздух дрожал от жары, а впереди, у подножия скалистого уступа, паслось что-то огромное и колючее.

Дикобраз. Вернее, то, во что мутация превратила дикобраза. Длина – под два с лишним метра, вес – на глаз три сотни кило. Спина и бока были покрыты не просто иглами, а настоящими копиями из кератина, торчавшими во все стороны. Морда – тупая, свирепая, с парой загнутых вниз клыков. Он рыл землю, выкапывая корни, и на наших краулеров не обращал внимания.

Шарх замер, его глаза загорелись охотничьим азартом.

– Моё! – прошипел он и, не дожидаясь ответа, соскочил с краулера.

Он попытался подкрасться сбоку, но дикобраз почувствовал его ещё за десять шагов. Чудовище развернулось, фыркнуло, и его иглы вздыбились, став ещё больше. Шарх метнул кинжал – лезвие звякнуло об огромную иглу и отскочило. Дикобраз рванул вперёд, короткими, мощными ногами развивая неожиданную скорость. Шарх едва отпрыгнул, одна из игл прочертила царапину на его боку.

– Шарх, отойди! – крикнул я, уже спрыгивая со своего краулера.

Но он не слушал. Он метался вокруг зверя, пытаясь найти слабое место, бросал камни, шипел – но дикобраз только злился всё больше. Один его рывок чуть не закончился плачевно – Шарх споткнулся о корень, и огромная колючая туша пронеслась в сантиметре от него.

Власим уже спускался с телеги, держа наготове тяжёлый топор. Борен слушал землю, его каменное лицо было напряжённо. Шепот доставал планшет, наверное, чтобы проанализировать анатомию чудовища.

А я взял свой старый, железный лом. Он был тяжёлым, не таким изящным, как костяной, но родной до каждой царапины.

Дикобраз снова ринулся на Шарха. Тот отскочил, но зверь развернулся, подставив мне свой бок – не самый защищённый, но всё же покрытый частоколом игл.

Я не думал. Мышцы сами вспомнили движение – короткий замах с плеча, бросок всем телом. Лом полетел как копье и вонзился точно в узкую полоску мягкой кожи между иглами, чуть ниже лопатки.

Раздался глухой, влажный звук. Дикобраз взвыл – не писк, а рёв раненого быка – и рухнул на бок. Ноги дёргались, из раны хлестала тёмная кровь. Через несколько секунд всё было кончено.

Шарх стоял, тяжело дыша, смотря то на зверя, то на меня. Его лицо выражало смесь восхищения и досады.

– Ну... – выдохнул он наконец. – Метнул неплохо. Для огра.

Я подошёл, вытащил лом, вытер лезвие о траву. Власим уже тащил инструменты для разделки.

– Учись, – сказал я Шарху просто. – Иногда нужно и немного подумать, прежде чем кидаться в драку.

Он хмыкнул, но кивнул. А потом, конечно, тут же принялся хвастаться, как это он «отвлёк монстра, чтобы Гром мог прицелиться».

Мясо дикобраза оказалось жёстким, но сытным и вкусным. Иглы мы собрали – Варга, наверное, дала бы за них пару «Искр». А ещё я запомнил бросок – чёткий, без суеты, как в школьные дни. Как будто что-то щёлкнуло на место. И подумал, что если немного утяжелить один конец лома, то он будет лететь стабильнее и его можно будет использовать для метания как копье. Надо сделать в памяти зарубку.

Мы шли дальше. Горный массив на горизонте становился всё ближе, зубчатые вершины уже не казались просто сизой дымкой. Скоро предстоит оставить Власима с краулерами и идти пешком – налегке, в самое пекло.

Но пока что мы ехали этой спокойной, сырой, полной жизни дорогой. И даже Шарх, сидя на своём краулере, на время притих, разглядывая иглу дикобраза, которую крутил в руках. Ненадолго, конечно. Уже через полчаса он снова начал рассказывать Власиму о том, как однажды победил трёх таких дикобразов сразу. Голыми руками.

Власим слушал, молча кивал и улыбался в бороду, посверкивая на солнце своей зеркальной головой. А я смотрел на дорогу, уходящую налево, и думал, что, кажется, новая команда понемногу складывается. И что какие бы испытания ни ждали нас на плотине – с этим мы справимся.

Брошенные иглы

Название у этих гор – Брошенные Иглы. Честно говоря, я не понимаю, что тут такого «брошенного». Стоят себе, как стояли тысячи лет, и вряд ли собираются куда-то перебрасываться. Но текины, которые их так обозвали, видимо, считали себя большими поэтами.

Мы к ним приближались не спеша. Земля под ногами становилась всё суше, пыльнее. Камни вылезали из почвы, будто кости древнего чудовища. А сами горы... они как будто издевались над нами. Казалось, вот мы прошли переход, встали на привал, поспали – и бац, горы за время сна ещё подросли. Выше, угрюмее, с каменными рожами, которые смотрели на нас сверху без малейшего интереса.

Пришлось свернуть с намеченной тропы и углубиться в лес. Причина была проста – Шарх начал засекать вдалеке патрули текинов. Маленькие, быстрые точки в небе, скользящие вдоль горных хребтов. Наш друг Шарх, конечно, сразу наострил уши и начал размахивать руками:

«Смотрите! Опять! Они, как коршуны, кружат! Наверное, высматривают, кого бы сожрать! Или налоги собрать!»

Ну, насчет налогов он, пожалуй, прав. Текины с их баржами и телекинезом считали эти склоны своими задним двором. А мы были незваными гостями, которые тащат на себе целый арсенал и пахнут явно не духами.

Так что путь замедлился. Пришлось петлять между деревьями, выбирать дорогу так, чтобы не высовываться. Лес здесь был не такой буйный, как в джунглях, но вполне себе густой. С одной стороны – укрытие. С другой – каждую минуту ждешь, что из-за очередного ствола выглянет не патруль, а что-нибудь местное, зубастое. Но, к счастью, обошлось без приключений. Только Шарх один раз напугал сам себя, приняв старую, облезлую сову за текинского лазутчика. Было весело.

Наконец мы вышли к реке. Широкая, не очень быстрая, но холодная, как взгляд Кадмона, когда он чем-то недоволен. Это был последний рубеж. За ней – уже подножие Брошенных Игл, и нам предстояло оставить там Власима с краулерами и всей нашей поклажей. Прощание с цивилизацией, так сказать.

Делать нечего – строить плот. Не сказать, чтобы мы были великими плотогонами. Наш плот больше походил на связку дров, которая молилась, чтобы не развалиться посередине реки. Но, чудом, держался.

Переправлялись с умом. Первым, конечно, поплыл Шарх – легкий, верткий, с телекинезом про запас. Доплыл, закрепил трос. Потом мы загрузили нашу телегу на плот, сверху посадили Шепота. Как только мы загрузили эту шаткую конструкцию, она так жалобно заскрипела, что даже краулеры на берегу сочувственно замычали. Мы с Бореном страховали плот в воде, держась за трос. Борену вода была по грудь, а мне кое где приходилось подпрыгивать на цыпочках, чтобы не хлебнуть носом водицы. Власим связал краулеров друг с другом и переправлялся вместе с ними, кряхтя и приговаривая что-то успокаивающее.

А потом началась вторая часть квеста – найти укромное местечко для Власима и нашей скотины. Нужно было что-то вроде пещеры, или глубокого оврага, или хотя бы густой рощи, чтобы с воздуха не разглядели. Искали часов восемь. Шарх носился по окрестностям, выискивая «идеальную берлогу», и в итоге привел нас к расщелине в скале. В общем, нашли что-то среднее – не пещеру, но хорошее укрытие под нависающей скалой, с родником неподалёку. Сойдет.

Попрощались с Власимом быстро, по-мужски. Никаких слез. «Сиди тут, брат, не шуми. Жди три месяца. Если не вернемся... ну, сам понимаешь». Он кивнул, его доброе, честное лицо было серьезным. Краулеры жались к нему, как огромные, глупые псы. Немного грустно стало, честно говоря.

Целых двенадцать Правил мы потратили, чтобы обогнуть эту каменную колючку с юга. Не вверх карабкались, а именно огибали – шли по склонам, будто гигантский жук ползёт по ребру дохлого дракона.

Солнце – наш верный и надоедливый спутник – висело теперь не сбоку, а слева и спереди, под противным углом. Не прямо в глаз, но постоянно цепляло краем зрения, слепило, когда нужно было смотреть под ноги. Жарило оно, надо сказать, со знанием дела. За эти дни мы загорели... ну, как загорают в Терминаторе. Не равномерно, а словно нас поджаривали на вертеле, поворачивая недостаточно часто. Левая сторона – щека, плечо, ухо – стала цвета старой, потёртой меди. Правая – просто смуглой. Я чувствовал себя ходячим экспериментом по неравномерной термообработке.

– Гляньте на меня, – как-то утром объявил я команде, поворачиваясь к ним сначала одним боком, потом другим. – Половина опытного сталкера, половина – недожаренный новичок. Спрашивается, по какой цене меня теперь на рынке рабов оценивать? Со скидкой в пятьдесят процентов?

Шепот, не отрываясь от планшета, пробормотал что-то про «меланин» и «адаптация к ультрафиолету». Шарх, ловко балансируя на узком выступе, лишь фыркнул. Смуглая кожа с бирюзовыми хладскими узорами на его руках и шее казалась присыпанной пылью.

– Да тебе просто повезло, что уши не отвалились. А у меня, чувствую, узоры уже выцветают от этого света. Хорошо ещё, Улька не видит.

Мы шли по южным склонам, и это был правильный, но утомительный выбор. То полого, удобно, то вдруг обрыв, и приходилось петлять, спускаться в седловину, снова подниматься. Джунгли, упрямые, как мы сами, лезли за нами следом. Деревья становились ниже, корявей, зато лианы – толще и наглее. Иногда они свисали с уступов такими прочными канатами, что можно было не обходить глубокий распадок, а перемахнуть на ту сторону, как это делали местные обезьяны.

Ах да, обезьяны. Маленькие, шустрые, с умными карими глазками и полным отсутствием уважения к пришельцам. Сначала они просто наблюдали за нами с безопасного расстояния, перешёптываясь. Потом, видимо, сочли, что Шарх со своими прыжками, криками и попытками телекинезом стащить у них спелый фрукт – это самая смешная вещь, которую они видели за всю свою обезьянью жизнь.

Шарх, решив установить дипломатические отношения (или просто дразнясь), начал им корчить рожи, показывать язык и изображать что-то очень обидное на их языке. Дипломатия провалилась. Мгновенно и с треском. Вернее, с тихим, но очень точным «плюхом».

Первая же метко брошенная... э-э-э... «дипломатическая нота» угодила Шарху прямо в макушку. Он замер от изумления, а бирюзовые узоры на его шее вспыхнули ярко-мерцающим светом – верный признак крайнего возмущения. Потому что для броска первый ряд обезьян повернулся к нему задом и задрал хвосты. А дальше был шквал. Обезьяны, визжа от восторга, устроили настоящий артобстрел. Они не просто срали – они стреляли навесом, с рикошетами, залпами. Укрыться было негде. Через минуту наш отважный разведчик представлял собой жалкое, пятнистое и дурно пахнущее зрелище.

– Я... я их... – бубнил он, соскребая с себя последствия обезьянней дипломатии. Едва видимые узоры на его коже пульсировали гневными пятнами. – Я приду сюда с огнём! Я их деревню... я их бананы...

– Успокойся, – сказал я, стараясь не дышать носом рядом с ним. – Просто теперь ты – полноценный член местной экосистемы. Принят. Можно сказать, тебя посвятили.

Шепот, едва сдерживая смех (что для него было редкостью), добавил, отходя подальше:

– Рекомендую немедленную гигиеническую процедуру. Пока биоорганические остатки не вступили в реакцию с твоей... э-э-э... аурой.

Птицы здесь тоже были ещё те. Шепот, разумеется, чуть не запрыгал от восторга.

– Невероятно! Смотрите! Четкие черты археоптерикса! зубчатый клюв, длинный хвост из позвонков, когти на крыльях! Это же живая палеонтология! Эволюция пошла вспять или создала параллельную ветвь!

Я же видел просто неудачливого гибрида ящерицы и вороны. Существо сидело на скале, смотрело на нас пустыми, каменными глазами и время от времени издавало звук, похожий на то, как скрипит несмазанная дверь в проклятом доме. Красотой они не блистали. Зато были осторожны – близко не подпускали.

Змей видели часто – то выползет погреться на камне, то мелькнёт в траве. Но, слава Резонансу, больше ни один исполинский удав не решил, что мы – его обед. Видимо, слава о нашем предыдущем опыте разнеслась по всему змеиному сообществу.

Шли. Пыхтели. Скалы были на редкость однообразны – серые, колючие, безрадостные. Единственным развлечением были споры о том, на что похожа та или иная вершина. Шарх, уже отмывшийся и всё ещё ворчащий, утверждал, что одна скала – точная копия профиля Кадмона, когда тот узнал, что мы вернулись из Ледяной Норы раньше срока. Борен, обычно молчаливый, как скала, в этот раз внезапно фыркнул – это было высшей оценкой нашей шутки.

И вот, на двенадцатые сутки, когда наши ноги переставлялись уже автоматически, а во рту от вечной пыли скрипело, мы добрались.

До второй реки.

Если первую можно было переплыть на связке дров с молитвой, то эта была другим зверем. Она не текла – она рушилась с гор. Грохот стоял такой, что в ушах звенело. Вода, белая от пены, с рёвом билась о чёрные, отполированные за тысячу лет валуны, отскакивала от них и снова кидалась в бой. Холодом от неё тянуло за десяток шагов. Ширина была не запредельной, но один взгляд на этот кипящий котёл говорил: «Поплывёшь – станешь дровами».

Мы застыли на берегу, мелкая дрожь земли отдавалась в подошвах. Шепот мгновенно достал планшет, его лицо стало сосредоточенным и бледным. Шарх, забыв про свой конфликт с обезьянами, подошёл к самому краю, заглянул в водоворот и тут же отпрыгнул, как ошпаренный, чуть не поскользнувшись на мокром камне.

– Это же мельница! Человека перемелет в фарш за секунду!

Борен стоял, повернув незрячее лицо к ревущему потоку. Он не видел, но, кажется, слышал и чувствовал его всей кожей – его каменные черты были напряжены, как струны.

Я скинул рюкзак на мокрую от брызг гальку и тяжело вздохнул. Там, за этими бешеными водами, начинался путь на юг, в сторону пустыни Денницы. А здесь, сейчас, перед нами, была просто очень, очень мокрая и громкая преграда. Задача для «Нахалят». Интересная задачка.

– Ну что, гении тактики и выживания, – сказал я, перекрывая рев. – Похоже, текинские патрули были цветочками. Вот она – настоящая проверка на нахальство. Кто первый предложит, как нам договориться с этим водяным монстром?

Мы стояли и пялились на эту ревущую преграду минут десять. Мозги, кажется, гудели от шума воды.

– Я знаю! – первым очнулся Шарх. Его узоры заиграли азартной рябью. – Борен! Ты же у нас живая катапульта! Кидай меня! Я в полёте телекинезом еще подтолкну себя – и как пуля перелечу!

Мы посмотрели на Борена, потом на реку, потом снова на Борена. Слепой великан, казалось, даже не удивился. Он просто наклонился, обшарил землю вокруг и поднял булыжник. Примерно такого же размера и, наверное, веса, как Шарх.

– Следи, – просто сказал Борен и швырнул со всей силы камень в сторону противоположного берега.

Камень описал красивую, мощную дугу. И с глухим «плюхом» упал ровно посередине реки, моментально исчезнув в пене и бурунах.

Наступила неловкая пауза. Шарх смотрел на то место, где пропал камень, а его узоры медленно тускнели, переходя в цвет разочарованной глины.

– Ну... ладно, – сказал он наконец. – Может, если разбежится...

– Перестань, – оборвал я. – Тебя в лучшем случае до того камня доберут. А там ты станешь мокрой и очень шумной галькой.

Пока мы предавались унынию, Шепот молча сидел на своем рюкзаке, уткнувшись в планшет. Его пальцы летали по экрану, вычерчивая какие-то линии и углы.

– Катапульта, – произнёс он наконец, не поднимая головы. – Требуется рычаг с противовесом. Примитивная, но эффективная механика. Шарх будет снарядом. Используем принцип пращи для увеличения дистанции.

Мы переглянулись.

– Ты хочешь построить катапульту? Здесь? – уточнил я.

– Абсолютно верно, – Шепот показал нам схему. – Мы в джунглях. Материалов достаточно. Трос для переправы у нас есть – те самые пять катушек троса титановского плетения, что мы купили у Варги «на всякий случай». Всякий случай наступил.

Звучало это, конечно, как бред сумасшедшего. Но бред Шепота имел неприятное обыкновение сбавывать. Следующие сутки мы провели, как рабы на стройке века.

Конструкция вышла, что называется, «в лучших традициях сталкерского инженерного искусства» – то есть страшная, но на редкость прочная. Мы с Бореном выкорчевали два высоких, упругих дерева и вкопали их в землю в виде гигантской рогатки. Поперечину сделали из более толстого ствола. В качестве торсиона и тетивы пошли десятки метров прочнейших лиан, которые мы сплели в толстые канаты. Получилось нечто, напоминающее огромное коромысло, подвешенное на рогатке. Противовесом служила сетка из лиан, нагруженная булыжниками. Выглядело это сооружение так, будто его строили пьяные великаны, но Шепот, обходя его и постукивая по растяжкам планшетом, кивал с одобрением.

– Теоретически, должно получиться, – сказал он. – При условии, что снаряд не развалится в полёте.

«Снаряд», то есть Шарх, нервно потирал руки.

– Ты уверен в расчётах? А то я, конечно, люблю полетать, но не в формате «камня из пращи».

– На семьдесят три процента, – честно ответил Шепот. – Остальное – фактор непредсказуемости воздушных потоков и твоей способности не паниковать и не дёргаться.

Решающий момент был обставлен со всей серьёзностью. Шарха, привязанного тросом по принципу альпинистской обвязки (спасибо, Варга, за толковую снарягу), водрузили в «ложе» из переплетённых лиан. Другой конец верёвки, длиной в добрых двести метров, мы надёжно закрепили за выступ скалы на нашем берегу.

– Главное – в момент выстрела сгруппироваться и в верхней точке активировать телекинез на придание себе дополнительного импульса, – последний раз проинструктировал его Шепот. – И держать трос.

– Да, да, «держат трос», – пробурчал Шарх, белея под своим смуглым загаром. – Записано. «Не разбиться» – тоже записал.

Борен, исполнявший роль механического спускового устройства, взялся за рычаг-стопор. Я махнул рукой.

– Поехали!

Борен дёрнул. Лианы взвыли от натяжения. Рычаг с противовесом рванулся вниз. И Шарх – с коротким, задушенным воплем – выстрелил в пространство над рекой.

Это было самое сюрреалистическое зрелище в моей жизни. Человек, раскинув руки, летел через ревуший поток, за ним тянется верёвка... Он летел стремительно, но плавно, как будто его и правда выплюнула гигантская прача. На середине реки он, вспомнив наставле-

ния, неестественно дёрнулся в воздухе, кувыркнулся разок – и полёт выровнялся. Мы затаили дыхание.

Он перелетел. Не просто перелетел – он перемахнул через противоположный берег и врезался в густой кустарник метрах в десяти от воды. Раздался треск веток и приглушённое «Уфф!».

– Жив! – крикнул я, хотя сомневаюсь, что он нас услышит сквозь рёв воды.

Через минуту из кустов выбрался потрёпанный, но сияющий Шарх. Он отряхнулся и отчаянно замахал руками. Потом схватив трос, который он протаскивал за собой, он начал обматывать его вокруг мощного ствола на том берегу.

Работа закипела. Мы натянули трос как струну, закрепив наш конец на скале повыше к прочно забитому в камень крюку каким-то хитрым узлом, который показал Шепот. Получился крутой спуск, почти в тридцать градусов, но это было в тысячу раз лучше, чем пытаться плыть. Затем мы пристегнули к верёвке карабины (спасибо, опять же, Варге) и стали переправляться по одному, скользя вниз, как по воздушной горке.

Борен ехал первым, согнувшись в три погибели, но его каменные пальцы держались за карабины мёртвой хваткой. У нас были всего два карабина с роликами. Сталкеры их называют каталками. Оба дали Борену, в каждую руку, чтобы как-то уменьшить нагрузку на трос. Трос выдержал. Не зря я заплатил Варге ее цену. Когда он благополучно съехал в кусты на том берегу, я выдохнул.

За ним уже спокойно спустили сперва груз, потом спустился я. Шепот спускался последним. Когда он оказался на земле, он несколько раз дёрнул тонкий шнур, который был у него привязан к рукаву, и трос отвязался с той стороны от крюка. Осталось только смотать его.

Мы сделали это. Перебрались. Способом, от которого любой нормальный текин или огр схватился бы за голову. Но мы-то – «Нахалята». Наш девиз: «Если нельзя, но очень нужно, значит, можно выстрелить человеком из катапульты».

Шарх, отлеживая ушибы, уже хвастался:

– Видали полёт? Это я так всегда! Чистое искусство! Надо будет Ульке рассказать...

Я посмотрел на оставшуюся позади ревущую реку, на нашу уродливую, но гениальную катапульту на том берегу, и на свою команду. Горы Брошенных Игл остались позади. Впереди лежала дорога к пустыне Денницы через джунгли. И я почему-то был почти уверен, что наши приключения только начинаются.

Вдоль реки

Переправа позади, но расслабляться было рано. Мы стояли на берегу, отряхиваясь от брызг и пытаясь привести в порядок нервы. Шарх, сияя, как новогодняя игрушка, уже вовсю размахивал руками, описывая свой «эпический полёт». Борен молча собирал трос, его каменные пальцы ловко сматывали тяжёлые витки. Шепот сидел на рюкзаке, бледный, с закрытыми глазами – перегрузка после концентрации давала о себе знать.

– Ну что, артисты, – сказал я, оглядывая команду. – Отдыхать будем в пустыне. А пока – вперёд, вдоль реки. Пока вода есть, нужно использовать её.

Дорога, если её можно было так назвать, шла по самому краю берега. Тропинки не было – только густые заросли, корни деревьев, выступающие из земли, и вечная, липкая влага в воздухе. Мы шли гуськом, продираясь сквозь папоротники, высотой в два роста Борена. С горечью ощущали отсутствие краулеров – только наши ноги, рюкзаки и оружие.

Жара нарастала с каждым часом. Солнце, уже не такое косое, как в горах, било почти в макушку. Влажность превращала воздух в густой, горячий суп. Одежда мгновенно прилипала к телу. Даже Шарх притих, экономя силы.

Первый привал на сон прошёл без приключений, если не считать того, что Шепот почти не спал – его мучила мигрень, и он тихо стонал в своём спальнике. Я дежурил первую смену, прислушиваясь к звукам джунглей. Они были другими, не такими, как в лесах у Скорлупы. Более глубокими, более... голодными.

Врата Яви преподнесли нам неприятный сюрприз. Мы вышли на небольшую поляну у самой воды и увидели, что река здесь раздваивается, образуя стремительный приток, который с рёвом нырял в узкое ущелье. Обойти – значит углубиться в чащу, где можно запросто заблудиться. Перейти вброд – слишком рискованно, течение было быстрым, а дно – скользким от водорослей.

– Плот, – буркнул Борен, ощупывая берег ногой. – Или верёвка.

– Плот строить полдня, – возразил Шепот, всё ещё бледный, но уже с планшетом в руках. – А течение может разбить его о скалы. Лучше верёвка. Закрепим на том дереве, перейдём по одному.

Так и сделали. Шарх, используя свою левитацию, перелетел на тот берег и закрепил трос. Потом мы переправили рюкзаки, следом Шёпота. Их отправили по воздуху используя наши карабины каталки. Борен перешел речку вброд, держась одной рукой за натянутый трос – его ступни, казалось, чувствовали каждый камень на дне. Я переходил последним, и в самый неподходящий момент верёвка, перетёртая об острый край скалы, лопнула. Меня тут же подхватило течение и понесло в сторону ущелья. Хорошо, что Шарх не растерялся – он метнул свёрнутую в кольцо верёвку, я ухватился, и меня вытащили на берег, откашлявшегося и злого на собственную неудачу.

– Вот так всегда, – проворчал я, отжимая мокрую куртку. – Чуть не стал рыбьим завтраком.

– Зато искупался, – хмыкнул Шарх. – Жарко же.

Дальше стало ещё сложнее. Река петляла, то расширяясь в тихие, болотистые заводи, то сужаясь до бурных потоков. Иногда приходилось уходить от воды на сотни метров вглубь леса, чтобы обойти непроходимые завалы из упавших деревьев и лиан. Воздух здесь был ещё гуще, ещё насыщенней запахами гниения и цветения. И тишиной – настораживающей, звенящей.

На третьи Прави мы наткнулись на того, кого я с тех пор в мыслях называю «Бронированным Миксером». Сначала услышали – не рык, а противный, булькающе-хлопающий звук, будто кто-то огромный и неопрятный ест жидкую кашу. Потом – запах. Резкий, химический, с оттенком горелого рога и... кислоты? Знакомый запах свежей крови в нём почти терялся.

Мы замерли и осторожно продвинулись вперёд.

На небольшой прогалине лежала туша. Гигантский буйвол, вернее, то, во что мутация превратила буйвола. Рога шириной в размах рук Борена, бронированные пластины на боках, ноги толщиной со ствол молодого дерева. И он был мёртв. Левая сторона морды была сплющена будто ударом и как бы расплавлена. А над тушей, погрузив морду в рану, возилось другое существо.

Тело – как у перекормленного, приземистого броненосца, закованного в броню из сросшихся костяных плит. Но главное было спереди. Из его раскрытой пасти, усеянной тупыми дробильными зубами, высовывался... язык. Нет, не язык. Инструмент.

Длинный, мускулистый жгут, сплошь покрытый хитиновыми, зазубренными, как пила, шипами. И этот жгут двигался с жуткой скоростью – не просто лизал, а сверлил и взбивал плоть, превращая её в однородную, кроваво-розовую жижу. Звук был тот ещё: мокрый визг, скрежет и чавканье.

Но и это ещё не всё. Время от времени это существо приподнимало верхнюю губу и свернув её трубочкой, брызгало в тушу струей густой, полупрозрачной жидкости. Где этот секрет попадал, мясо и даже кость начинали... шипеть и расплзаться, как воск от огня, превращаясь в удобную для «взбивания» кашицу. Над местом трапезы витал едкий кислотный туман.

– Смотри, – прошептал Шарх, – у него свой соус для барбекю. Удобно.

Хищник методично опускал свой язык-блендер в получившуюся массу, а потом втягивал её обратно с громким, удовлетворённым хлопом. Ел он, безусловно, эффективно. И с аппетитом.

Шепот аж подпрыгнул от научного восторга и ужаса:

– Комплексная система питания! Механическое измельчение плюс внекишечное переваривание с помощью расщепляющего секрета! Это же... это же ходячий химический комбинат!

«Химический комбинат» услышал шёпот. Он с тяжёлым скрежетом пластин повернул к нам свою невыразительную башку с крошечными глазками-бусинками. Его язык, весь в кровавой пене и каплях кислоты, на мгновение замер, направленный в нашу сторону. Из пасти на песок капнула прозрачная капля – она тут же зашипела.

Он не зарычал. Он просто оценивающе «посмотрел» на нас, как повар на потенциальные ингредиенты. Стало ясно – убежать от этой твари, может, и можно, но вот если он плюнет своей «заправкой», мало не покажется.

– Знаешь, Шарх, – тихо сказал я, – спорить с ним о силе, мне кажется, очень глупо. Он просто тебя заправит, взобьёт и выпьет. Как коктейль. Без спора.

– Назовём его «Кислотным Блендером», – буркнул Шарх, уже пятясь. – И соглашусь – я с ним бодаться кто сильнее не буду. Идём?

Мы стали отползать, стараясь не спугнуть гурмана. «Кислотный Блендер» поводил за нами своим страшным языком, словно пробуя воздух на вкус, но в итоге снова погрузился в процесс приготовления своего обеда. Хлопанье и шипение возобновились.

Только отойдя на приличное расстояние, мы выдохнули.

– Главный вывод, – подвёл я итог, глядя на команду, – если услышите бульканье и почувствуете запах плавящегося рога – сразу на дерево. Лучше выслушать нотацию Шепота о биологии, чем стать жидкой закуской.

С этого момента мы стали осторожнее вдвойне. Если по лесу бродит ходячая мясорубка с собственной химической лабораторией, то хочется быть тише воды, ниже травы. И желательно – с наветренной стороны.

Привалы устраивали только на деревьях, на больших, крепких ветвях, используя верёвки и гамаки, которые взяли с собой. Спали по очереди, всегда кто-то дежурил. Джунгли никогда не отдыхали – постоянно слышались странные крики, шелест, всплески в реке. Однажды, во время моего дежурства, с нижних ветвей нашего дерева на меня упало что-то тёплое и цепкое.

Я едва успел выхватить нож и швырнуть тварь прочь – это была летучая мышь размером с собаку, с острыми когтями и маленькими, но злыми глазками. После этого мы стали спать под сетками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.